Дмитрий ЕМЕЦ

сердце двушки

ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

Дмитрий Александрович Емец

Сердце двушки

Серия «ШНыр», книга 12

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66597014
Д. А. Емец. Сердце двушки: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-122711-1

Аннотация

Когда-то давно юный Мокша Гай принес с двушки опасную закладку – вросшую в скалу частицу грибницы. На двушке грибница росла медленно, горные породы там очень твердые. В нашем же мире вымахавшая до колоссальных размеров грибница начинает прорастать сквозь миры туда, где была прежде – на двушку. И ее мало волнует, что стоит у нее на пути. Даже граница между нашим миром и болотом не является для нее преградой. Она просто стирает эту границу, грозя гибелью всему. Уничтожить грибницу и заделать огромную брешь в стенках мира способны лишь драконы. И теперь все зависит от Насты, хранительницы единственного в нашем мире дракона. Только Наста уже не знает, на чьей она стороне…

Содержание

Глава первая. Знакомьтесь: Лев Секач 9
Глава вторая. «Хоум! Свит хоум!» 33
Глава третья. Живые канаты 44
Глава четвертая. Великолепнейшее существо 59
Глава пятая. Тархов, Крейн и Зю 80
Глава шестая. Заплата 88
Глава седьмая. Грибница 104
Глава восьмая. Месть скользкого полотенца 120
Конец ознакомительного фрагмента. 136

Дмитрий Емец
Сердце двушки

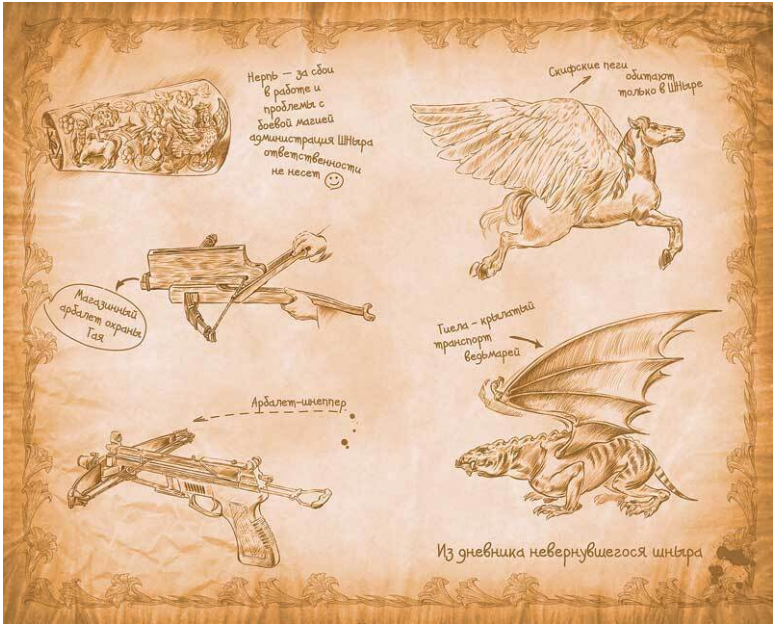
© Емец Д. А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
4	4	4			Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направ-ление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищенная от гиел
					Осторожно! Магическое минирование
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду



В экспедиционной работе часто возникают всевозможные затруднения и неожиданности, и нужно немало внимания и сил для их преодоления. Однако же самым главным является не столько умение преодолевать трудности, сколько умение отличать кажущиеся затруднения от действительных. Есть одно замечательное правило, всегда приводящее к хорошим результатам: если, например, человек убедится, что он заблудился или вообще потерял дорогу и что надежды на спасение нет, то он должен остановиться и спокойно лечь

спать… Это замечательный метод… Нет ничего более разумного, живительного и спасительного, чем в трудную минуту хорошенько выспаться.

Академик Александр Ферсман

«Если вам случится заблудиться, не теряйте голову, – сказал майор, который с самого начала произвел на нас впечатление очень серьезного человека. – Не горячитесь и не пытайтесь искать нужное направление в возбужденном состоянии. Выспитесь хорошенько и лишь на следующий день принимайте решение…»

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд. «Африка грез и действительности»

Часто мне кажется, что меня обманули, чего-то мне не дали, в чем-то со мной поступили несправедливо. У каждого человека к Богу огромное количество вопросов «ПОЧЕМУ?». Крайне горьких вопросов. Думаю, на Страшном суде целая куча людей попытается задать эти вопросы. И увидит очень ясно, что на них уже отвечено. Ну как с решением задачи. Не понимаешь, что два плюс два – четыре, но в какой-то момент мозг дозревает и вопрос сам собой снимается.

НАДО ДОВЕРИТЬСЯ БОГУ! А то мы в Него верим, но Ему не доверяем.

Из дневника невернувшегося шныра

Глава первая. Знакомьтесь: Лев Секач

Терпеть не могу правильных людей! У них такие чистенькие детки, такие умные, немного укоризненные глаза. Так они четко схватывают все социальные отношения, так все знают, такие у них вылизанные машинки, отремонтированные квартирки. Про педагогику, про государство, про законы – все им известно. Они как новенькие солдаты в самом начале военной кампании.

А мы солдаты пятого года войны – битые, вшивые, хитрые. Какая там стрельба по-макендонски, какое наступление дивизионными колоннами! Лишнее обмундирование, пистолеты и противогазы давно выкинули, чтобы оставить больше места для сухарей. Отсиживайся в земляной щели, совершай ночной марш-бросок, бей антизакладками по разведанным целям – и, не вступая в бой, быстро рви когти, пока ответку не получил.

Родион

Пестрый микроавтобус Белдо, в котором ехала и Лиана, свернул с шоссе на грунтовую дорогу. Проехали километра два и при въезде в лес уткнулись в длинный шлагбаум с бетонным противовесом. Возле шлагбаума толклись два пасмурных человека в дождевиках. Автобус Белдо они узнали

издали. Один приналег грудью на шлагбаум, пригибая его, другой толчком выдвинул толстую крашеную трубу из паза, и она медленно поднялась, подчиняясь противовесу.

Ехать по лесной дороге было непросто. По обеим сторонам рвы, а за ними глинистые отвалы. Птах несколько раз открывал стекло и недовольно высовывал красный шишковатый нос. Дорога закончилась железными воротами. Перед ними, оповещенный охраной о приезде глав фортов, прохаживался краснолицый мужчина в камуфляжной куртке. Глазки у него были поросячьи, с красными веками, но лицо довольно красивое. Тяжелая нижняя челюсть, пухлые губы, широкий нос, скулы, надбровные дуги – все было чрезмерно развито, почти утрированно. Словно творя его, природа как радостный скульптор носилась вокруг и восклицала: «А не добавить ли еще подбородка? А вот возьму и добавлю! Может, и нос заодно долепить? Эх, жаль глазки маленькие получились! Но переделывать уже поздно! Ступай в мир, человече!»

И человече отправился в мир.

Белдо коснулся плеча Птаха и попросил его ехать помедленнее.

– Лианочка, вон того человека видите? Новый глава форта берсерков Лев Секач!

– С виду вполне себе уверенный мужчина! – отозвалась Лиана.

– Уверенный? Возможно! Но кем был этот человек до

смерти бедного Ингвара? Держался в тени, тщательно помалкивал, амбиции свои, если какие и имелись, хранил в закрытой черепной коробочке при запечатанном ротике. Сколько их таится во тьме – таких вот наполеончиков! Только и ждут, когда рухнет старое дерево и хлынувший сверху поток света даст им шанс рвануть ввысь! Но сейчас он очень напряжен! – сказал Белдо.

– Вот уж не сказала бы. У него даже оружия при себе нет! – заметила Лиана.

– Оружие – это не для главы форта! У вас, Лианочка, есть с собой мешок денег?

– Если будет надо – я раздобуду.

– Вот и Секач раздобудет арбалетик, если потребуется. Насколько я о нем наслышан, он очень неглуп. При Тилле возглавлял отдельный отряд берсерков. Этот отряд еще называли «штрафбатом».

Лиана вскинула брови:

– Постойте! Тот самый штрафбат?

Белдо зацокал язычком, точно сосал невидимую конфетку:

– Тот самый. Провинится кто-нибудь из наших – его отправляют сюда. В последние годы здесь часто оказываются и инкубаторы. Очень грубо стали прорастать многие личинки. Количество все же враг качеству, я так считаю…

– И начальника штрафбата Гай сделал главой форта берсерков?! – воскликнула Лиана.

– Сейчас мы как раз на базе этого отряда – между Кубинкой и Копытовом. Наумово примерно вон там. Мы в таком треугольнике с лесными лугами. Первошныры выпасали здесь пегов.

Лиана, покусывая согнутый указательный палец (была у нее такая привычка, даже шрамик на наружном суставе остался), явно уже его не слушала.

– Лев Секач! – повторила она радостно. – Да-да, вспомнила! Мы же финансировали реконструкцию этого форта… Альберт Федорович говорил, что этот Секач довольно вменяемый и толковый мужик! Видимо, Гай все-таки тоскует по Свету, раз назначил именно его. Спросите у любого жулика-руководителя, о чем он мечтает? И он ответит: о честных сотрудниках!

Белдо хихикнул и поцеловал Лиану в плечико:

– Ах, Лианочка! Вы такая нестандартно мыслящая!.. Птах, да что же ты тащишься, ужасный человек?

– Вы же сами попросили! – огрызнулся Птах.

– Я просил медленнее, но не со скоростью улитки! Ты должен понимать не то, что я сказал, а то, что я имел в виду!

Едва автобус затормозил, Белдо выскочил из него и, распахнув руки для объятий, кинулся ко Льву Секачу. Бежал он короткими прыжочками, хихикал и изливал столько доброжелательности, что новый глава берсерков от неожиданности слегка подался назад.

Когда Лиана, задержанная ремнем микроавтобуса (она

всегда пристегивалась, даже если поездка была короткой), присоединилась к ним, Белдо уже опустил птичью головку на плечо Льву Секачу и гладил его по бицепсу дряблой щечкой.

– Ах, Лев! Я всегда ощущал в вас затаенного тигра! Предчувствую, что мы будем друзьями! У меня Солнце в Венере – у вас наверняка в Юпитере или Марсе! Мудрость и одновременно мужественность! – щебетал он.

Лев Секач стоял неподвижно и, моргая красными веками, таращился на Белдо. Чувствовалось, что болтовне Дионисия Тиграновича он никакого значения не придает и что-то про себя просчитывает.

– А со мной вы собираетесь дружить, Дионисий Тиграновича? – задиристо спросила Лиана, когда разошедшийся старичок и ее тоже ухватил свободной ручкой и принялся притягивать к Секачу, точно хотел, чтобы они все втроем обнялись и так и стояли бы под железными воротами, под удивленными взглядами часовых на вышках.

Дионисий Тигранович так и засветился от счастья:

– Ах, Лианочка! Как же можно с вами не дружить? Да мы со Львом в вас влюбляться будем! Цветы вам дарить!

Лев Секач серьезно посмотрел на Лиану. Никаких цветов в его глазах Лиана не обнаружила. Лев Секач был мужчина семейный, положительный и скучный.

– Но все же, Лианочка, вы до сих пор не глава финансового форта, а лишь исполняющая обязанности! – ехидно продолжал Белдо, грозя ей пальчиком.

Улыбку смело с лица Лианы. Она сразу как-то постарела и из юного восторженного Пушкина стала Пушкиным последнего года жизни.

– Меня это вполне устраивает! Глава форта у нас только один – Альберт Долбушин. Его гибель не подтверждена.

– Это так, Лианочка… Но как ее подтвердишь? Месяц спустя из Межгрядья не возвращаются. Альберт уже навсегда там. Живой ли, мертвый ли, дошел он до Второй гряды или не дошел – вопрос, конечно, глубоко дискуссионный, но ждать его обратно не приходится.

Утешая Лиану, Белдо издал мурлыкающий звук той тональности, с которой кошка разговаривает с котятами. Лиана игру в котяточек не поддержала и дернула плечом. Белдо настаивать не стал и, не обидевшись, переключил свое внимание на главу берсерков.

– Знаете, Лев, с Ингваром у меня были прекрасные отношения! Никогда не предполагал, что я его переживу! Ведь я так стар! – тарахтел Белдо, переживший уже с десяток глав форта берсерков и собирающийся пережить и Льва Секача. – Для Ингвара не существовало ничего невозможного! Надо – значит, надо! Истинный шныр!

Лев Секач моргнул, но больше ничем не выразил своего удивления, хотя сравнение Ингвара Тилля со шныром было неожиданным. Белдо же, всхлипнув от умиления, полусогнутым запястьем промокнул носик.

– Да, с Ингваром мы ладили… – продолжал тарахтеть

он. – А вот один из его предшественников позволял себе удивительные вещи. Он с чего-то решил, что не совсем покойный Клавдий, уже мой предшественник, желает его смерти. И вот он подкупил одну из наших боевых ведьм и окольцевал с собой всех берсерков своего форта.

Лев Секач исподлобья изучал своего нового друга Белдо.

– Как это – окольцевал? – спросил он.

– Смешал свою судьбу с их судьбами. Несложная, но эффективная магия. К примеру, вы берете арбалет и стреляете в главу форта берсерков с двух шагов. Болт, странным образом обогнув цель, достается одному из его «мальчиков». Вы перезаряжаетесь, тщательно целитесь и стреляете еще раз. Болт попадает в другого «мальчика». И так пока не закончатся все берсерки – а их ведь довольно много!.. Остроумный человек был этот предшественник! Не совсем покойный Клавдий вынужден был оставить его в покое!

– А вот и напрасно! – задиристо влезла Лиана.

– Почему напрасно?

– Он упустил прекрасную возможность разом перебить весь форт берсерков. Если память мне не изменяет, у вертолетного пулемета скорострельность тысяча двадцать пять выстрелов в минуту. Это приблизительно… м-м-м… семнадцать целых восемьдесят три сотые выстрела в секунду.

– Неужели так много?

– В четвертой цифре после запятой я обычно ошибаюсь – но на то я и женщина. Ставишь вертолетный пулемет в ма-

шину с тонированными стеклами рядом с домом этого предшественника, дожидаешься, пока он появится, – и примерно через восемь секунд форт берсерков полностью обновляется.

Лоб Льва Секача озаботился морщиной. Он явно пытался сообразить, к чему этот разговор. Финансовый и магический форты договорись между собой подмять форт берсерков и угрожают ему?

Белдо вновь пустил в ход свою утешающую щечку.

– Лев, расслабьтесь! У Лианочки своеобразное чувство юмора! На самом деле она великая гуманистка! Да и потом, ведь это палка о двух концах. Ведь и финансовый форт можно окольцевать, тем более что ведьма из моего форта, владеющая той магией, до сих пор здравствует! – ласково сказал Дионисий Тигранович и, показывая, что говорит не всерьез, примиряюще захихикал.

– Но побеседуем лучше о вас, Лев, и о Тилле! Были у Ингвара и недостатки. Умный руководитель предотвращает конфликты, умеет спустить на тормозах. А Тилль намеренно провоцировал ссоры. Вечно у него в форте кто-то кого-то зарубал, потери были высокими. А все потому, что – строго между нами! – Ингвар утаивал псиос. Получит его от Гая – и устроит что-нибудь совершенно бессмысленное. Чем больше потери – тем больше псиоса можно оставить себе. Война все спишет.

Лев Секач настороженно слушал, хотя, конечно, новостью

для него это не являлось. Мимика у него была занятная. Такая, как если бы к каждой детали его лица – к носу, к губам, к бровям – была подведена веревочка, как у театральной куклы, и когда нужно было, например, вскинуть бровь, двести тысяч невидимых гномиков разом дергали бы за нее.

– Но Гай же ему позволял? – спросил он.

– Все позволять – почерк Гая. Он и Альберту все позволял, и мне позволяет! – охотно признал Белдо. – В управление фортами не вмешивается. Опять же, считает, что берсеркам полезно часто драться. Выжившие со временем образуют ядро форта. Бесстрашные, умные, все понимающие и одновременно осторожные люди. Такие, как вы, Лев. На освободившиеся же места всегда можно набрать новых. Часть из них погибнет, другая примкнет к ядру.

Секач кивнул и повернулся к воротам. Лиана не заметила, чтобы он подал какой-то знак, но ворота открылись. Они прошли на территорию. Берсерков внутри Лиана не видела, хотя постоянное ощущение следящих за ними глаз не исчезало.

В глубине возвышалось массивное строение, похожее на один из фортов Кенигсберга. Изначально выстроенное из красного кирпича, после оно было словно взорвано изнутри, но его не забросили, а стали с дикой поспешностью латать и восстанавливать. Вокруг воздвигли бетонный саркофаг со вставками, в которых размещались ворота.

– Вот и наша крепость! – отрывисто сказал Лев Секач. –

Если позволите, кратко введу в историю. Активное строительство – семидесятые годы девятнадцатого века. Возводился по типовому проекту «Укрепление 2». Требовался военный форт, но с обороной, обращенной внутрь, что необычно. Сразу после строительства была произведена модернизация по двухвальному проекту. Через тридцать лет все правое крыло провалилось под землю. Пришлось спешно все перестраивать. Холм лечили, как гнилой зуб. Извлеченный грунт поместили в бетонированную яму. Толщина бетона – шесть с половиной метров. Больше, чем в Чернобыле.

Лев Секач говорил по существу, как говорят технари. После каждой высказанной мысли замолкал, проверяя себя, не вкралась ли неточность. Лиана наблюдала за ним с интересом. Она любила таких людей – они настолько погружены в свою работу, что никогда не пытаются увидеть себя со стороны. Им чужды сомнения по поводу своей внешности, места в мире, общественной роли и так далее. Это все равно как если бы танкист во время боя поминутно выскакивал из танка, чтобы полюбоваться, достаточно ли грозно выглядит его танк в бою, и сделать пару фоток. Вот люди, подобные Секачу, очень хороши. Они просто живут и решают конкретные задачи.

Попутно она пыталась представить, каким был Секач в детстве. Наверняка круглым и плотным. Одноклассники, когда в шутку пытались его поднять, удивленно крякали – маленький Лев был тяжелым, как ядро. Чувство юмора у него,

скорее всего, отсутствовало вообще. Если кто-то в классе говорил: «Вот я сейчас тебя проткну шваброй!» – Лева моментально бросался на него с кулаками и дрался так, словно защищал свою жизнь, не задумываясь о том, что шваброй проткнуть невозможно. Его предупредили – он обороняется. Потом колледж, потом армия, потом военный вуз, где он изучал взрывное и инженерное дело. И, конечно, чудовищная сила воли, переходящая в упрямство. Один раз что-то для себя решив, Секач никогда не отступал от своего решения. Например, когда-то решил, что не будет пользоваться лифтом, и поднимался только по лестницам, даже если этаж был какой-то совсем невероятный. Делмэны вечно рассказывали друг другу историю, как Секач пошел к кому-то в офис, поднялся на двадцать шестой этаж, вспомнил, что забыл в машине бумаги, и отправился за ними – тоже пешком.

– Мы можем осмотреть это сооружение изнутри. Думаю, вам будет интересно, – предложил Секач.

– А на нас не набросятся эти ваши штрафники? – спросила Лиана.

Двести гномиков опять потянули за канат бровь Секача.

– Штрафники не набросятся, – сказал он.

Лиана оглянулась на Дионисия Тиграновича. Она была уверена, что старичок откажется, но тот, что-то соображая, покусывал губки:

– Почему бы не посмотреть? Когда Гай обещал приехать?.. Ага, значит, два часа у нас еще есть!

В торопливом его голоске, в потупленных глазках, в том, как он при этом повел маленькой ручкой, Лиана уловила спешку. Белдо проявлял явное желание все тут изучить и разнюхать, причем почему-то еще до появления Гая. Любопытно.

Секач кивнул и по асфальтированной дорожке направился к внутренним воротам. Кирпичный тоннель с полукруглыми сводами уводил в глубь форта.

– Тут как в подводной лодке. Отсек переходит в отсек. Здесь арсенал. Дальше казармы. В конце коридора – изолятор, – пояснил Секач.

Лиана покосилась на массивную круглую дверь с рычаговым запором. Подобные двери она видела только в банковском хранилище, когда студенткой проходила учебную практику.

– Не мощновато для изолятора?

– Осторожность никогда не помешает, – уклончиво ответил Секач и провел их в длинное помещение, разделенное надвое прозрачной перегородкой. Вдоль стен висело десятка два легких скафандров, к каждому прилагался шлем с защитным стеклом.

– А надевать их обязательно? – спросила Лиана.

– Нет. Но очень желательно.

Лиана натянула скафандр. Секач помог ей разобраться с застежками и молниями, а потом быстро и привычно облачился сам. Дионисий Тигранович справился со своим ска-

фандром без всякой помощи, хотя и пролепетал на всякий случай, что ужасно бестолковый и ничего не понимает во всех этих штучках.

Едва они вышли в коридор, как замигала красная лампа. Открылся тяжелый, утопленный в стену люк. Снизу по крутой лестнице поднимались четверо. Все они были облачены в скафандры и в шлемы, закрывающие лица. У люка группу ждали восемь вооруженных берсерков. Они сомкнулись вокруг четверки и куда-то их повели.

– Ребятки вернулись! Вели ремонтные работы на нижних уровнях. Пройдут сейчас осмотр – и, если все в порядке, на обед! – посмеиваясь, сказал Секач.

Когда берсерки проходили мимо, Лиана, оказавшаяся лицом к лицу с одним из поднявшихся, сумела разглядеть его сквозь стекло шлема. Ее удивило, что у берсерка была красная борода.

– Красная борода, – машинально сказала Лиана.

– А-а… борода… – рассеянно повторил Секач, явно не понимая, о чем она. Голос его звучал из динамика внутри шлема Лианы. – Давайте-ка вниз, пока не перекрыли проход!

Он свернул на лестницу, по которой только что поднялась группа. Лестница была узкой, вбуравленной в толстые своды.

– Сколько лет я уже здесь! – сказал Секач. – Признаться, не по своей воле сюда попал… Сцепился по молодости с одним типом. Горячие были ребятки. Он за топор – я за шестопер… Угодил в штрафбат. А через годик подранили меня…

Мазнуло что-то сквозь защиту: я вроде ничего, на ногах, а товарищи уж навалились и куда-то тащат. Засунули первым делом в карантин!

– Это то же, что изолятор? А вас туда зачем?

– Так положено… Бывает, пустяковая ранка, а начинает с человеком невесть что твориться – и все, нельзя его выпускать. Ну а мне повезло. Хоть щупальцем и задел, но не внедрился. Через месяц выпустили меня, должен был я уже в форт возвращаться, и тут вызывает меня к себе Тилль… Говорит: пока ты, Лева, в карантине был, начальник твой на понижение пошел… в могилу… не хочешь ли занять его место? Псиос, деньги – все у тебя будет! И вот уж сколько лет я тут!.. А теперь, выходит, и сам Тилль на понижение пошел, а я на повышение… Вот оно как сложилось!

Секач удрученно крякнул, однако особой горечи в голосе у него Лиана не обнаружила.

– В штрафбате ведь не только берсерки? – спросила она.

– Берсерки – это наш костяк. Боевые маги тоже попадают… Инкубаторов частенько к нам заносит, *растворенных*… Много кого! Некоторые ухитряются слиться с несколькими закладками зараз! Такая жадность их одолеет – ну все подряд закладки хапать! Как-то один, худенький такой, шестерых уложил за минуту. Другой стал размером с бегемота, разрывал скотомогильники и поедал павший скот… По мне, если уж берешь не свои закладки – рассчитывай свои силы!

Лиана резко остановилась.

– И что? Все они у вас служат? – спросила она с ужасом.

– А что делать? Тех, кто поопаснее, мы, конечно, из подземий не выпускаем. Иной раз обходчик пропадет – так ты уж думаешь: то ли гость его прибрал, то ли кто-то из своих. – Секач покачал головой.

Они продолжали спускаться. Лестница вела в тоннель, ярко залитый электрическим светом. Через каждые двадцать-тридцать метров – опускающиеся решетки. Перед решетками – бронеколпаки с амбразурами.

– Для пулеметов? – любознательно спросил Белдо.

– Для огнеметов. Какой тут от пулемета прок!

Секач толкнул ногой один из ближайших колпаков. Вокруг огнеметного отверстия он был покрыт жирной копотью. Поверх же копоти словно застыл разлившийся канцелярский клей. У Белдо создалось впечатление, что этот клей – хотя бы частично – должен был попасть и под бронеколпак.

Дальше тоннель плавно закруглялся. В нескольких местах от него отходили ответвления. Два из них были наглухо перекрыты: одно заложено мешками с песком, другое – плоскими, скрепленными между собой бетонными блоками.

– Наша боль, – пожаловался Лев Секач. – Каждый год приходится долбить все новые тоннели, а это ослабляет защиту. Сильное искушение просто взять и намертво завалить все тоннели – но нельзя. Нужно постоянно осматривать и выскабливать, не то хуже будет. Так вот и возимся с утра до

ночи. Выгребаем грунт, прокаливаем его, выжигаем и помещаем в бетонированный отвал…

Они прошли еще немного. Щиток шлема Лианы запотел изнутри. Ощущение пространства стало иным. Лиана двигалась будто внутри целлофана. Скафандр издавал звук трущегося лыжного комбинезона.

– Это от холода! – сказал Секач. – Холод идет вон из тех трещин… Абсолютный ноль по шкале Кельвина – это минус двести семьдесят три градуса по Цельсию. Здесь, в главном тоннеле, конечно, потеплее будет, где-то минус шестьдесят, а уж сколько там в самих трещинах, никто не ведает. А еще немного пройдем – будет жарко.

И правда, еще через десяток шагов Лиане почудилось, что гель внутри скафандра становится мягким и оплывает. Лиана остановилась. Рядом, похожий на старенького мальчика, прыгал в скафандре Белдо.

– Тут вот еще какая штука с этими тоннелями! – продолжал Секач. – Мы привыкли, что железо твердое, вода жидкая и так далее. А ведь все от температуры зависит и от давления. Французы в 1812 году почему все в тряпье кутались? Шинели у них развалились! Пуговицы на шинелях оловянные, а олово при минус пятнадцати осыпается! Понизим температуру градусов на тридцать – жидкими у нас останутся только нефть и густые соляные растворы. Еще больше понизим температуру и повысим давление – потекут реки из жидкой угольной кислоты. Повысим температуру на сто градусов

– не станет даже твердой серы… А тут, в глубине скал, – и холод, и жар, все вместе! Здесь-то ничего еще, в самих тоннелях, терпеть можно, а вот трещины… что там внутри – кто его знает? – Секач сердито дернул подбородком, показывая на мелкую сеть трещин. Из нижних трещин, шипя, поднимался газ.

– Что за газ? – спросил Белдо.

– У химиков наших спросить надо. Я думаю: граниты где-то снизу плавятся! В одном кубическом километре гранита двадцать шесть миллионов кубических метров воды, пять миллионов кубических метров водорода, десять миллионов кубических метров угольной кислоты, а также много азота, метана и много чего еще. А в школе учат: гранит – камень! – Глава берсерков усмехнулся, что стоило невидимым гномикам, управляющим его лицом, просто титанических усилий.

– Это все из-за болота? – спросила Лиана.

– Да. Болото просачивается. Там у них не поймешь, где жар, где холод, где все вместе! А вы говорите: почему слой бетона у нас больше, чем в чернобыльском саркофаге!

Лиана увидела на стенах капли, похожие на загустевший бульон. Капли скользили по стенам как живые, сопровождая их.

– Что это? – спросила она.

– Слизь эльбов… Просачивается через стенку мира крошечными каплями. Мы ее выжигаем где можем. Вечером команда пойдет – так будет выжигать. Да только в трещины-то

не проберешься!

– Погодите! – перебила Лиана. – Разве мы сами не пускаем в наш мир эльбов? А тут получается, что берсерки сражаются ПРОТИВ эльбов.

Дионисий Тигранович торопливо шевельнул в воздухе ручкой, отыскивая пальчиками невидимую молнию. Потянул молнию, застегнул… Лиана замычала, почувствовав, что не может разомкнуть губ.

– Помолчите секундочку, Лианочка! – взмолился Белдо. – Не говорите глупостей, дышите носом! Скоро все пройдет! Я ваш друг, Лианочка, и желаю вам добра! Плохой, конечно, друг, эгоистичный, слабый – но все-таки союзник…

– М-м-м-м… – Лиана попыталась выговорить слово «мерзавец», но застряла уже на первом звуке.

– Вы же экономист, Лиана! Наше дело – торговля. Пропускать личинки, подселять их инкубаторам – получать за это псиос. А теперь представьте, что граница между мирами окажется стертой. Кто согласится платить таможеннику?

– М-м-м-м…

– Да-да-да, мы, конечно, получаем от эльбов псиос и сотрудничаем с ними… Сколько раз я подселял их через осколок закладки! И они прекрасно уживались с инкубаторами! Очень их берегли, развивали таланты… Высокие взаимодополняющие отношения! Но эльбы… они же все очень разные. Те, за которых мы получаем псиос, подселяются инкубаторам в виде крошечной личинки и растут уже в нашем

мире, в тесной связи с человеком. Постепенно осваивают новую среду, участвуют в общественной жизни, взаимодействуют с творческой интеллигенцией! Это эмигранты второго поколения, взращенные на благодатной почве нового мира! – старичок возвысил голос, всхлипнул и хотел даже промокнуть глазки, но рука его ударилась о щиток шлема.

– Не надо так делать! – предупредил Секач.

Белдо торопливо отдернул ручку.

– И вот! – продолжил он совсем другим, сухим и наждачным голосом. – Это были положительные типажи! Но существуют, как говорили раньше на партийных съездах, и отдельные отрицательные явления! Даже среди эльбов встречаются обезумевшие типы, которые пролезают сквозь раскаленные трещины! С ними не о чем договариваться – они ничего не хотят давать взамен! Кого-нибудь высосать, сожрать, убить – это да! Если мы будем пропускать их и даром предоставлять им инкубаторов, то тогда и прочие, абсолютно добропорядочные, эльбы перестанут платить нам за выращенные личинки… Тут, знаете ли, тонкий психологический момент!

Лиана слушала Дионисия Тиграновича, двигая губами и пытаясь вернуть им подвижность. Секач же слушал рассеянно. Что-то его тревожило, но он, видно, и сам пока не понимал что. Тарахтящий Белдо отвлекал его.

– Что-то не так? – внезапно спросил у него Дионисий Тигранович.

– Да. Красная борода! Лиана упоминала, что видела красную бороду… – повторил Секач и вдруг сорвался с места.

Лиана и Белдо, испугавшись, что их бросят, заспешили за ним.

Они еще бежали, когда послышался звук сирены. Поднявшись в верхний тоннель и потеряв почти минуту у люка, который непросто оказалось открыть, они увидели толпу у входа в изолятор. Белдо сумел протиснуться вдоль стеночки. На площадке перед массивной дверью как поломанные куклы валялись два берсерка. Рядом с ними на полу корчился третий. Тело его странно выгибалось, а ноги гнулись произвольно, не смущаясь такой условностью, как суставы. Внезапно корчившийся берсерк вскочил и на четвереньках побежал прямо на толпу. Сквозь его скафандр прорывались дополнительные щупальца.

Из группы берсерков выдвинулся некто кряжистый, маленького роста и почему-то без брюк. За плечами у него был коричневатый, из трех баллонов, ранец на раме, нацепленный в большой спешке. В руках – брандспойт с квадратной пистолетной рукоятью, соединенный с баллонами шлангом. Несколько устаревший, но все еще эффективный огнемет М2.

– Разойдись! – хрипло, с предвкушением, приказал он и выпустил короткую, сразу иссякшую струю.

Гнущаяся и почти утратившая форму фигура неслась прямо на него. Кряжистый берсерк выпустил еще одну дразня-

щую струйку. Скривился ртом. Окружавшие его берсерки метнулись в разные стороны. Кряжистый расставил кривые голые ноги, больше похожие на корни, крякнул, набычился и, подпустив гнущуюся фигуру совсем близко, вдруг ловко и легко отпрыгнул назад, одновременно вскинув трубу. Кривые ноги берсерка выделывали удивительные вещи. Они то подбрасывали его кверху, то ловко относили в сторону, то чуть сдвигались, то приплясывали. Послышался гул выбрасываемого топлива. В руках у огнеметчика расцвел бело-рыжий с черной окантовкой цветок. Спрямленная струя расширилась, начала округляться – и превратилась в пылающий шар.

Работу свою берсерк знал. Бежавшее на него существо уже пылало. Щиток, закрывавший лицо, лопнул, и Лиана снова увидела красную бороду. Только это была не борода, а множество коротких, непрерывно двигающихся красных щупалец. Берсерк с огнеметом опять отпрыгнул назад, на носках, с боксерской ловкостью, забежал чуть сбоку и с особой тщательностью принялся обрабатывать шлем и щупальца.

Дионисий Тигранович, охая, морщился и отворачивался. Лиана смотрела на все с застывшим равнодушием. «И чего это Белдо все рожи корчит? А вот у меня нервы крепкие!» – думала она, не замечая, что все сильнее бледнеет.

Секач, заглянув Лиане под стекло шлема, торопливо подхватил ее под локоть и что-то крикнул Белдо.

– Пустите! Что вам надо? – произнесла Лиана, обнаружив, что ее губы уже двигаются. Голос ее прозвучал как-то очень громко, потому что сирена в этот миг смолкла.

Секач продолжал уверенно тянуть Лиану за собой. Лиана послушно пошла за ним, но почему-то ей показалось, что идет только верхняя часть туловища, а ноги не двигаются. Она захотела наклониться, чтобы увидеть свои ноги, но что-то сильно надавило на живот. Липкий пот залил спину. Потолок и весь коридор вдруг начали вращаться. Они закручивались штопором и все ускорялись, ускорялись. Центром вращения была круглая, похожая на пуговицу лампа-прожектор. Лиана таращилась на эту лампу и напряженно пыталась понять, как это лампе удается не двигаться, когда все так вертится.

– Да держите же вы ее! – услышала она раздраженный крик Секача, обращенный к Белдо.

«Зачем?» – хотела спросить Лиана и вдруг ухнула куда-то – будто с вышки в реку.

* * *

Очнулась она в лазарете. Она была уже без скафандра, в обычной своей одежде. Лежала на белой кушетке, на клеенке. Белдо, тоже уже избавившийся от защиты, меланхолично водил у нее перед носом зловонной аммиачной ваткой. На Лиану он не смотрел. Разговаривал с Секачом.

– Красная борода! – недовольно гудел тот. – Молодые щупальца похожи на рыжие волосы! И где он эту гадость подцепил! Не исключено, что несколько дней с ней проходил!

– Но почему? – жалобно взмахивая ваткой и по-прежнему не замечая, что Лиана очнулась, спросил Белдо. – Такая ненависть… Злоба – это, конечно, понятие культурологическое, но все же я в шоке…

Лев Секач насмешливо наблюдал за ним, терпеливо ожидая, пока Белдо перестанет кривляться. Тот перестал и, сердито надувшись, сунул ватку в самый нос Лиане. Лиана, вскрикнув, поймала руку Дионисия Тиграновича за запястье и отвела подальше от своего лица:

– Уберите! Я задохнусь!

– Очнулась! – радостно воскликнул Белдо.

Рядом кто-то настойчиво засопел. В дверях стоял тот самый кривоногий. Теперь он был уже без огнемета. Зато в брюках. Но брюки его явно тяготили, и одной ногой он уже чесал другую.

– Помощник мой. Исай. Все эти годы со мной. Все тут знает. Вместе начинали! – представил Секач.

Исай осклабился.

– Я чего пришел-то… Гай здесь! – сипло произнес он.

Тяжелое лицо Секача неуютно задвигалось.

– Я не слышал, как он подъехал! – озабоченно сказал он.

– Он не подъезжал, – сказал кривоногий и отчего-то усмехнулся. Подобная усмешка уже была на его лице, когда

он выжигал из огнемета эльба.

Глава вторая. «Хоум! Свит хоум!»

Чем бы дитя ни тешилось, только б не квакало.
М. У. Хоморов. «Генетические эксперименты магов и их последствия»

За городом, километрах в двадцати от Москвы, Гай велел водителю остановиться. Легко выскочил на обочину шоссе, отбежал немного от дороги, потянулся. Влажные обочины, заросшие травой. Клены, растопырившие красные, пугающе похожие на человеческую ладонь листья. Рядом, отвоевав полосу на опушке, сомкнул ряды борщевик. Вывели ж когда-то такую радость кормить коровушек! Замысел был блестящий: коровушки поедают борщевик, люди едят коровушек – и наступает всеобщее благоденствие. Но что-то в очередной раз пошло не так, и несъеденный борщевик год за годом пожирал влажные обочины дорог Подмосковья.

Арбалетчики, выбравшиеся из джипа сопровождения, сгрудились вокруг, озирались, тревожились. Остановка была незапланированная. Местность они не контролировали – а ну как какой-то шныр сидит на дереве с арбалетом?

Гай вдыхал влажный воздух. Память послушно перелистывала страницы. По лесам идет дорога, по болотцам. Давно ли тут лягушки в мокрой траве квакали и шли неспешные обозы? Брели рядом с телегами мужички, везли в Москву

товары: ушаты, корыта, сундуки, резные игрушки, рыбу, кожи. А сверху, на черной крылатой гиеле, проносился над ними юный красавец Мокша. Бывало, из озорства пикировал, пугал лошадей. Лошади от ужаса перед гиелой бросались в лес, ломали оглобли, опрокидывали телеги. А теперь здесь шоссе. Жмутся к асфальтовой змейке заправки с магазинами. Выгрызают участки коттеджные поселки. Ведут к ним асфальтовые дороги со шлагбаумами. Ну что за глупые игры в цивилизацию! Что, лес от этого перестанет быть лесом? Да вся Москва лес! Даже на Тверской улице под бетоном и асфальтом – многовековые, ушедшие в землю, как в трясину, пни.

Гай сорвал лист борщевика и, пробуя, обожжет ли, провел им по щеке и по нежной коже на запястье. Нет, не обожгло! Арбалетчики старались на него не смотреть. За каменностью их лиц угадывалось смущение. Арно одобрительно и мягко улыбался. Иногда Гай думал, что если бы он съел живого голубя или загрыз собаку, то и тогда Арно остался бы таким же деликатным и понимающим.

Гай отбросил лист. Ощущая в теле легкость, пробежал шагов сто. Огромный пустой билборд обещал: «Здесь может быть ваша реклама!» Гай прочитал надпись наоборот: «Реклама ваша быть может здесь». Смысл изменился не слишком значительно, но добавилось тайны. Гай зазвенел смехом – весело зазвенел, звонко, как смеялся когда-то юный Мокша, пугавший мужичков на телегах. Давно не ощущал он та-

кой легкости!

Гай лег на обочину, ухо опустил на асфальт, вслушиваясь в звуки дороги. Трейлеры угадывались по дрожи покрытия и по упругому разовому толчку воздуха. Легковушки едва слышно шуршали. Звук от них был четкий и краткий, точно кто-то отчетливо наборматывал: «Иу! Иу!»

Некоторые машины, завидев лежащего на обочине человека, начинали притормаживать, но крепкие фигуры арбалетчиков отпугивали их, и машины продолжали движение, прижимаясь поближе к встречной полосе. Водитель – тот же олень. Хоть и мощный, хоть и заточен в железо, но сердце имеет робкое – от всего спасается нажатием ноги на педаль газа.

В поле зрения Гая возникли туфли. Блестящие, аккуратные, не просто вычищенные, а словно парящие над асфальтом.

– Сгинь, Арно! Ты загораживаешь мне солнце! – сказал Гай.

Туфли торопливо отодвинулись. Не вставая с асфальта, Гай скосил левый глаз на небо. Для этого он попросту передвинул глаз ближе к виску. Небо было с редкими тучками, не синее, не голубое, а какое-то недокрашенное.

– Мы опаздываем, – напомнил Арно.

А вот это было ошибкой. Не произнеси секретарь этих слов, Гай рано или поздно вернулся бы в автомобиль. Теперь же Арно его подзадорил. Гай уперся ладонями в асфальт и

легко вскочил. Отряхнул руки. Проговорил вкрадчиво:

– Ну зачем же в машину, Арно? Мы уже почти на месте! – И он безошибочно ткнул пальцем в лес.

Арно мгновенно оценил всю суть предложения, и улыбка его остекленела:

– Но там же болото!

– Ну какое же это болото, Арно? Болото совсем в другом месте! Все за мной! – И, руками раздвинув борщевик, Гай нырнул в овраг.

За ним с топотом понеслись арбалетчики. Арно тащился последним, задирал воротник, старался защитить от ожогов лицо и запястья. В рот забивалась многочисленная поднявшаяся из травы мошка.

Гая Арно почти сразу потерял из виду – видел только берсерков. Те проламывались, как стадо кабанов, берегли оружие, подставляли под удары ветвей плечи и лбы. Некоторое время спустя арбалетчики вдруг замедлились. Арно увидел, что они топчутся на месте и растерянно растекаются вдоль невидимой преграды.

Арно догнал их – потный, с репьями, покрывающими брюки выше колен, с чавкающей в туфлях грязью. И сразу стало ясно, в чем дело – впереди была топь, окруженная мясистой болотной травой. И где-то там, в этой топи, сгинул их руководитель. Глубокие, затекающие водой следы обрывались там, где начиналась мутная черная вода.

То один, то другой арбалетчик пытался прорваться впе-

ред, но проваливался и торопливо выбирался. Убедившись, что через топь дороги нет, арбалетчики разделились и, не зная, какой путь короче, стали огибать болото с разных сторон. Арно после небольшого колебания верно оценил обстановку и пристроился к той группе, на пути которой было меньше зарослей. Перед этим он наклонился и поднял с земли белую рубаху Гая и его холщовые штаны – Гай скинул их с себя, прежде чем броситься в трясину.

Когда полчаса спустя полуживой Арно с сопровождающими его арбалетчиками вынырнул из камыша на противоположном берегу топи, навстречу ему с камня поднялся Гай. Худой, голый, с ног до головы измазанный грязью. Веселый. Поблескивали белые зубы.

– Захватил одежду, Арно? Давай сюда! Ну и копуши же вы!

Гай, вскинув руки, ловко нырнул в рубаху, и одновременно с этим грязь исчезла с его тела. Будто кожа просто взяла и сожрала все, что ей мешало. Арно деликатно отвел взгляд.

Пока Гай одевался, подтянулись те арбалетчики, что обегали болото с другой стороны. Гай окинул взглядом свою усталую рать, усмехнулся и безжалостно перешел на бег. На этот раз Арно пришлось страдать недолго – вскоре они уткнулись в забор, находящийся в лесу и отделяющий лес от такого же леса. В основе забора угадывался деревянный частокол. От времени он обрушился, и его заменили: где-то – кирпичной стеной, где-то – бетонными плитами, где-то –

железной оградой с проржавевшими пиками.

Арно успел взглянуть на карту в телефоне. Ага, теперь понятно, где они. С южной стороны от Наумова, отделенные от него высокой железнодорожной насыпью. Цепь оврагов, в которой угадывается русло пересохшей речки, тянется к Копытову и оттуда вдоль леса к ШНыру. Когда-то здесь были глухие леса с частыми мелкими болотцами. Удобные места, затаенные. Первошныры это ценили. Из леса с неприметной поляны взлетаешь, в лес камнем упал – и ищи-свищи. «Мужика, говоришь, на лошади летающей видел?» – «Да, ваше благородие!» – «И куда он делся, твой мужик?» – «Да в топь прям ухнул!.. Так прямо вот жих! – и исчез!» – «Сейчас ты у меня сам исчезнешь! А ну дыхни!»

Гай по-хозяйски потрогал столбик ограды. Тот качнулся, как гнилой зуб. Влажная земля чавкнула.

– Смотри, Арно! Сюда мы откочевывали летом… Или когда времена становились беспокойные! Вон там, между холмами, у нас паслись пеги! Хороший луг, разнотравье. В тех камышах было полным-полно кабанов. Ночью камыши прямо оживали. Как-то я прижался к дереву, а они так и шли мимо меня, не боялись… Десятков семь, не меньше… А уж землю как изрывали – все клубни какие-то свои искали!.. А там овражек видишь? Ниже гляди, между березами! Там у нас была пегасня. Фаддей ее из дерева построил! Ручищи огромные, рубанок в них и не виден. Со стороны смотришь – точно глину мнет!

Арно честно уставился в пространство между березами, но не увидел ничего, кроме небольшой кучки камней.

– Нет, пегасня была левее… А там, куда ты смотришь, дом у нас стоял в три избы. Избой тогда сруб жилой называли… В три сруба дом то есть. Чуть подальше – огороды, а за ними семейные наши проживали – Матрена и Носко… У них и свой отдельный сруб был, но это после, когда ребенок родился… – По лицу Гая пробежала легкая тень. Он не любил царапающих воспоминаний. Воспоминания как старый, привыкший к тебе соседский пес, сидящий на цепи, – пока его не дразнишь, он и не лает. Тогда и тебя для пса нет, и пса для тебя как бы нет.

– А вы где жили? – поинтересовался Арно.

– Там же, где и все шныры. Но была у меня и отдельная земляночка, над ручьем. А однажды с моей земляночкой произошла нехорошая вещь. Такая нехорошая, что пришлось и пегасню отсюда убирать, и вообще перебираться отсюда подальше.

Арно поежился. Насколько он знал своего шефа, тот даже ночью в разрытой могиле не пожаловался бы на неуют.

– А землянка не сохранилась? – зачем-то спросил он.

Гай посмотрел туда, где сквозь лес угадывалось колоссальное строение. Тот самый штрафбат Секача. Лесная дорога, по которой подъехали Белдо и Лиана, вела к форту с противоположной стороны. Здесь путь ей преграждало болото.

– Нет, – сказал Гай. – Земля спеклась на много метров вниз. Будто нож стеклянный в склон загнали. Никогда, Арно, не приноси с *двушки* предметы, за которыми тебя не посылают. А сейчас опять придется пробежаться! – Гай подошел к ограде и легко протиснулся сквозь нее.

Арно померещилось, что для того, чтобы сделать это, Гай весь, включая череп, стал толщиной в книгу. Арбалетчикам же и самому Арно пришлось тащиться вдоль забора довольно долго, прежде чем они нашли удобное место, чтобы перебраться на ту сторону.

Арно бежал за Гаем, балансируя руками и неуклюже подкидывая колени, чтобы не цеплять носками выступающие из земли корни. В раскисших туфлях хлюпала жижа, и чистоплотный Арно физически страдал. Он смотрел на спину Гая и, ненавидя его в эту минуту, думал о том, что раньше Гай ни за что бы этого не сделал. Не стал бы при арбалетчиках протискиваться сквозь ограду или проплывать сквозь болотную жижу, становясь не то спрутом, не то невесть кем. Возможно, Гай и сам не замечал, что меняется, и все это очень тревожило Арно своей непредсказуемостью.

* * *

Дионисий Тигранович, Лиана и Секач вышли встречать Гая у входа в крепость. Еще издали заметив его, Белдо издал восхищенный писк, замахал ручками и запрыгал, как пятна-

дцатилетняя барышня. Гай, приблизившись, одарил его вялой, несколько сползшей на щеку улыбкой и сразу переключил внимание на главу берсерков.

– Здравствуйте, Лев! Как тут все изменилось! А где мой дом? – спросил он.

Секач повернулся и пошел вдоль насыпи. Там, где насыпь поворачивала, снаружи опоясывая форт, прямо в валу был утоплен небольшой домик с ржавой крышей.

– Насыпь пришлось расширить. Вскрыли отвал, усилили опорами. А домик стоит… Ухаживаем за ним, – сказал Секач, открывая Гаю дверь и отодвигаясь, чтобы пропустить его.

Гай довольно цокнул языком:

– Видишь, Арно? Это уже, разумеется, не землянка. Я жил здесь, пока строился первый форт… Надо же, чистота какая! И зачем тут было музей устраивать?

– Убираем по расписанию, – округлив глаза, гаркнул Секач. Когда потребуется, «докладать» начальству он умел. Именно «докладать», с ударением на последнее «а».

Гай прошел в дом, опустился в кресло и закрыл глаза. И сразу же тело его, оплыв, сделалось похожим на мешок. Казалось, в нем исчезли все кости. Даже лицо опало и слилось с шеей. Вся эта масса вздрагивала. Лиана тревожно оглянулась на своих спутников, проверяя, видят ли и они это. Выхоленное лицо Арно не выражало вообще никаких эмоций. Белдо в полном восхищении прижимал к груди ручки. Каза-

лось, он хочет воскликнуть: «Ах! Какая прелесть!»

– Не переигрывайте, Дионисий Тигранович! Вы так много чувствуете, что порой я сомневаюсь, чувствуете ли вы что-нибудь вообще! – шепотом сказала ему Лиана.

Белдо сердито покосился на нее, но ручки прижимать перестал.

Секач смотрел на Гая недоверчиво и пасмурно. Его помощник Исай, стоящий у двери, нехорошо хмурился. Казалось, еще немного – кривые ноги его опять начнут приплясывать, а в руках вспыхнет алый, с огненным подворотом цветок.

– Исай… кгхм… проверь, что в казарме! – велел ему Секач.

Исай повернулся и вышел.

Лиана, чтобы не выдать себя, опустила глаза и стала разглядывать деревянный, отслоившейся краской покрытый пол. Спустя несколько минут обвисшая масса в кресле задвигалась, принимая обычную для человека форму. Очнувшись, Гай дернулся и провел рукой по лицу, унимая лоб, который частью вспучился, частью куда-то провалился.

– Прошу прощения. После физических нагрузок моему телу нужен краткий отдых. Вы успели осмотреть форт? – спросил он у Дионисия Тиграновича.

Белдо высунул и спрятал язычок:

– Немного. Лев нам, конечно, показал кое-что… Очень-очень поверхностно! Мы с Лианочкой такие бестолковые –

нам что показывай, что не показывай!

– Говорите за себя! – отрезала Лиана.

– В тоннеле были? Под крепостью?

Белдо опять высунул язычок.

– Да, – сказал он.

– И как? – спросил Гай. – Впечатлило? Эта крепость, если говорить совсем просто, – пробка, затыкающая прямой проход в *болото*. И, кажется, я склоняюсь к тому, чтобы эту пробку вытащить.

Глава третья. Живые канаты

И да не на мнозе удаляяся общения Твоего, от мысленного волка звероуловлен буду…
Последование ко Святому Причащению

Мокша давно не отваживался на одиночные дальние ныр-ки. На двушке он бродил у склоненных сосен. Порой печаль-но гладил их кору, а порой в него точно из болота кто вселялся. Он визжал, бил по коре топором, топтал и вырывал молодые сосны. Мокше было досадно, что сосны довольны своей судьбой. Не жалуются, что растут не у гряды, что получают мало света, что стволы их искривлены. Где ваш бунт, деревья?! Где гордость? Кто виноват, что посадил вас в этом неудачном месте? Кто сломал вам судьбу? Никто не виноват? Никто не сломал? Так вот же вам, кривые палки, вот! Сдохните!

В другие дни Мокша бродил среди сосен и разговаривал сам с собой. Спорил. Он не просил у двушки прощения, не хотел сам меняться, он обвинял во всем двушку и роптал.

Однажды Мокша развернул пега и из предрассветья погнал его во мрак, к болоту. Стрела летела неохотно, приходилось понукать ее, пускать в ход нагайку. Наконец и нагайка перестала помогать. Мокша посадил Стрелу, стреножил, спутал крылья и крепко привязал. Найти сосну, к ко-

торой можно было привязать, оказалось совсем непросто. Многие сосны были мертвы. Другие, больные, уже не стояли, а лежали. Ползли по земле, тянулись к недосягаемой для них гряде, словно им важно было выиграть хоть несколько сантиметров. Но тянулись они, что Мокша всякий раз с досадой замечал, не к болоту, а к дальнему, едва брезжущему свету!

Стрела дернула головой, потянулась к Мокше, заржала.

– Я вернусь! – сказал ей Мокша. – Мне тоже страшно!

Он боялся, что не отыщет Стрелу в темноте. Разойдется с ней – и так и сгинет в полумраке. Видимости никакой. На сто шагов в сторону вильнул – все, потерялся.

Но все же он заставил себя идти. Решил считать шаги, одновременно запоминая направление. Сами виноваты! Не пускает центр двушки – так пойдем к болоту! Барьера как такового не существует. В смысле не существует физической стены, в которую можно было бы упереться руками и понять, что все, конец. Здесь как в нашем мире – нырок возможен только на пеге, только в состоянии сверхплотности. А так идешь себе – и иди. Просто становится серо и пусто. Меньше сосен, все мрачнее вокруг. И рассвет тут никогда не наступит. Рассвет там, дальше, он не придет к тебе как в привычном мире. Тут к рассвету нужно шагать самому.

Внезапно нога Мокши повисла над пустотой. Мокша сумел упасть на бок и вцепиться в землю. Дорогу ему преграждал глубокий овраг. Спускаться в овраг у Мокши желания

не было. Он лег ногами к Стреле, четко в том направлении, откуда пришел, подполз к краю и стал смотреть в темноту. Песчаное дно оврага чуть светлело.

Мокша лежал тихо, жадно всматривался и жадно слушал. Неожиданно глаза его, привыкшие к темноте, уловили внизу движение. По песчаному дну оврага бежали три темных силуэта. Первой мыслью Мокши было, что это волки. Волков он видел много раз. Летом они пропадали, охотясь в лесах, а зимой, голодные, рыскали вокруг пегасни и выли.

Вот только это были не волки. На их спинах Мокша разглядел кожистые крылья. Мокша узнал тварей, когда-то увязавшихся за ним через тоннель. Мокша предполагал, что родиной этих тварей было болото, но, когда оно схлопнулось и границы отвердели, что, возможно, произошло не мгновенно, некоторые существа, успевшие прорваться в этот мир, поселились на окраинах двушки.

Мокша затаился. Он боялся не то что двинуться – даже вдохнуть и то страшился. Втягивал воздух носом. Не дышать он не мог. Сердце у него колотилось так сильно, что ему чудилось, будто дрожь передается земле. Твари пока не замечали его. Двигались по дну оврага. Изредка останавливались и начинали нюхать землю. Морды короткие, приплюснутые, челюсти мощные. В некоторых местах просто нюхали, а в некоторых начинали энергично разрывать ее лапами. Что-то выгрызали и ели.

Мокша по-прежнему не шевелился, зная, что малейшее

движение может его выдать. Потом тихо стал отползать, чтобы голова его не торчала над срезом оврага. Он отползал буквально по сантиметрам, опасаясь опереться на руки, тащил свое тело по камням, чувствуя, как они впиваются в него через рубаху. Отполз и затих. Теперь он больше не видел их, только слышал. Встать и побежать не решался, зная, что его услышат, и просил небо, чтобы Стрела не вздумала заржать.

Твари продолжали рыть лапами землю. Грызлись, что-то глотали. Потом побежали дальше. Звуки отдалились. Мокша, выждав минут десять, на животе скатился в овраг. Прислушался, стараясь не думать, что твари могут вернуться. В конце концов, у них нет определенных маршрутов. Есть только планы: найти себе пищу. И едва ли в пище они сильно привередливы.

На склоне, там, где твари недавно разрывали землю, осталось несколько ям. В одной из них Мокша различил слабое свечение. Внутри холма, кое-где выходя на поверхность, тянулись переплетенные корни, похожие на веревки. Местами они были опушены зеленовато-желтой плесенью. Плесень собиралась комками. По плесени ползали крупные слизни. Недавно слизней было явно больше.

Мокше все стало понятно. Вот почему твари до сих пор не подохли с голоду. Корни разрывают землю. Плесень питается подтеками болота. Слизни питаются плесенью, собираясь в огромные сообщества. Твари безошибочно угадыва-

ют места, где под землей проходят корни, а на них огромными гроздями скапливаются мясистые слизни. «Ну и чутье у них!» – подумал Мокша, и спина у него взмокла.

Больше оставаться в овраге он не стал. Цепляясь за камни и корни, выбрался из него и устремился к Стреле.

«Ну и чутье! – все повторял он на обратном пути. – Ну и чутье!»

* * *

Спустя несколько недель Мокша решился на отчаянный нырок. По дороге подолгу отмокал во всех озерцах и в ручье. Они продлевали его время пребывания на двушке. Мокша прорывался к Первой гряде, туда, где в центральной ее части была узкая и невероятно прочная скала, которую Митяй называл Каменным Зубом. Мокша привязал пега и долго бродил вокруг скалы. От остальной гряды она отстояла в стороне. Небольшой такой зуб, принадлежащий вросшему в землю титану.

Временами Мокша бил по скале киркой. Кирка отскакивала со звоном. Не скала, а кремень. По этой причине шныры не любили искать здесь закладки: полдня будешь бить по невероятно прочному камню – да так и вернешься пустым. Мокша все это знал и ничего определенного не искал.

Он почти обошел Каменный Зуб, когда удар кирки, нанесенный наудачу, пришелся по пустоте. Звук был какой-то

иной, будто по глиняному горшку щелкнули ногтем. Мокша ударил еще пару раз, на пробу, после чего начал работать киркой не на шутку. Через пару минут острый конец кирки провалился в скалу. В горе открылось небольшое окошко. Мокша приник к нему. Света падало мало, но было видно, что пустое пространство с той стороны довольно большое. Каменный Зуб оказался с дуплом!

Мокша работал киркой нетерпеливо. Вскоре отверстие расширилось настолько, что стало можно протиснуться, но Мокша уже взмок, устал, и лезть в трещину ему было страшновато. Он нанес еще с полсотни ударов, расширил проход и только тогда заглянул еще раз. Пещера уходила вниз наклонно. Без веревки спускаться опасно. Нет, не сегодня, надо подготовиться получше!

Мокша вернулся к пегу, а на другой день прилетел сюда вновь. С ним были два больших мотка крепкой веревки, надежный нож, топорик и много чего еще. Пока долетел до гряды, ему опять стало жарко. Он злился на себя, на свое тело – но больше всего на двушку. Рядом с Зубом ручья нет. Чтобы остыть, Мокша лег в глубокую лужу, натекшую со скалы, и минут десять лежал в ней лицом вниз. Способностью дышать в воде одарил Мокшу эльб, правда, в человеческом мире Мокша почти ее не использовал.

Остудив себя, Мокша привязал к себе веревку, закрепив ее вокруг ближайшей сосны. Затем начал спускаться. Поначалу спуск был пологим, потом стал круче. В одном ме-

сте проход сильно сузился, и Мокша протискивался на животе, понятия не имея, как будет выбираться. Дальше проход опять расширился. Стены были неровные, с желтоватыми и белыми разводами, с натечными кристаллами.

Вскоре первый моток веревки закончился. В ход пошел второй. Теперь Мокша жалел, что захватил так мало веревки. Ему грезилось, что внизу окажется пещера, полная закладок! Сразу вспомнились разбойничьи сказки, которые так любил пустобрех Кика. Слово только надо знать заветное. И тут, разом оборвав мечты, нога Мокши провалилась в воду. Вот тебе и клад! Трещина закончилась озерцом. Озерцо мелкое, воды по грудь. И кругом каменные стены. Мокша ощупал их, смутно надеясь на проход, но уже понимая, что ничего такого не будет. Посиди в луже, остынь и полезай назад!

Мокша взялся за веревку. Начал лезть, сорвался. Нога заскользила по стене, и Мокша увидел, что над самой водой в трещине что-то поблескивает. Свечение дразнящее, как свет далекой звезды, – синяя закладка, сомнений нет! Мокша попытался просунуть палец, чтобы коснуться закладки и определить, что за закладка, какой у нее дар, – палец не пролез. Пустил в ход нож, но лишь отломил кончик – скала слишком твердая. Сердясь на себя за испорченный нож, Мокша вспомнил о кирке. Отвязал ее и пустил в ход. Работать, стоя по грудь в воде, было неудобно. Холодно, тесно, киркой толком не размахнешься. Но Мокша не сдавался.

Свет, льющийся из щели, становился ярче, тревожнее.

Мокшу охватило странное чувство, что надо срочно все прекращать и бежать отсюда. Чувство верное, настойчивое, смешанное с сильным смущением – такое ни с чем не спутаешь. Этим чувством двушка всегда говорила «НЕЛЬЗЯ». Ключевое слово тут «смущение». Если где-то есть смущение – значит, мысль эта от болота. Но Мокша упрямо продолжал работать киркой. Синяя закладка буквально вгрызлась в твердый камень. Она была гораздо больше, чем он ожидал. Чтобы не повредить ее, Мокша маленькими ударами расширял трещину.

Его взору открылось нечто голубовато-белое, напоминающее множество сплетенных вместе обрубленных канатов. Канаты напомнили Мокше корни, которые он видел на границе мира. Только здесь они были много толще, другого цвета, без плесени и слизней. Канаты пересекались, расходились, слоились и уходили в толщу горы-зуба. Кое-где на канатах встречались сморщенные клубни. И все это сияло и светилось до рези в глазах. Чудовищной силы закладка!

Мокша долго пытался определить, что перед ним. Наверное, все-таки грибница, но подземная. Сквозь плотную скалу она продиралась с такой легкостью, словно это мох. Сколько лет этой грибнице? Сотни? Тысячи? Сотни тысяч?

Пальцем правой руки Мокша коснулся одной из нитей, готовый отдернуть руку, чтобы не слиться. Он хотел разобраться, какой дар у закладки. Грибница сияла, но, ед-

ва Мокша коснулся ее, сияние отдернулось от его пальца. Остальные нити продолжали сиять, а эта поджалась.

Мокша был ошеломлен. Никогда прежде закладка не прятала от шныра свой дар. С большим трудом, невероятно изогнув кисть, Мокша дотянулся до соседней нити. И снова сияние спряталось от него.

Мокша рассердился и застучал киркой. Полчаса напряженной работы, пораненная каменными осколками щека, сбитые пальцы – и вот часть грибницы лежит у Мокши на ладони. Перед тем как взять ее, Мокша схитрил – киркой перебил грибницу, и сияние не смогло полностью отхлынуть и спрятаться. Теперь оно таилось где-то в центре гриба – крошечное, как искорка. Сам гриб был жалкий, сморщенный, как прошлогодний подгнивший каштан.

С грибом за пазухой Мокша выбрался на поверхность. Ему было опять жарко. От влажной одежды шел пар. Прихрамывая, он пошел к привязанной неподалеку Стреле. Интуиция первошныра зудела как комар. «Выброси! Оставь здесь! Не бери! Тебя не посылали за этой закладкой! Ты ведь даже не знаешь, что это!»

Мокша дважды вытряхивал закладку из седельной сумки, один раз даже ее бросил, но после не удержался и поднял с земли. Он опасался, что болото не пропустит его с закладкой, но болото пропустило идеально. Ни одной посторонней мысли, ни одного дикого желания. Эльбы чуть ли не крылышками его лошадки махали, как выражалась в таких

случаях острая на язык Маланья.

Пока Мокша был в тоннеле и в затхлом Межмирье, он обещал себе, что покажет закладку Митяю. Он и показал бы, но Митяя в пегасне не оказалось. Сам виноват! К вечеру желание показывать ему что-либо у Мокши улетучилось. Он сидел в землянке у ручья и разглядывал закладку. Имелась у него такая земляночка на отшибе. Окопана кругом, чтобы дождь не подтапливал. Грибница продолжала таиться. Сияние в центре едва мерцало. Мокша в азарте попытался разрезать ее ножом, но нож не взял – затупился.

Мокша зевнул. Слишком длинным был день, тяжелым. Все мысли слиплись в одну большую усталость. Он бросил упрямую закладку в глиняный горшок, спрятал его среди тряпья, а сам повалился на бараний тулуп и заснул.

Когда же утром проснулся, сразу ощутил: что-то не так. Землянка залита голубоватым мертвенным сиянием. Сияние исходило от угла, в котором Мокша оставил закладку. На четвереньках Мокша осторожно подполз к горшку и раскидал тряпки. От старой обрубленной грибницы, похожей на обтрепанный канат, во все стороны тянулись тонкие белые нити. Они были живые – шевелились, вспыхивали, гасли, как затухающие угли.

Мокше казалось, будто он смотрит в глубокий колодец, а на дне колодца – эльбы. Копошатся, ползают. Мокша схватил горшок, чтобы поскорее вернуть грибницу на двушку, но почему-то не смог его сдвинуть. Мокша поднатужил-

ся, потянул горшок к себе, но тот треснул и окончательно развалился у него в руках. Грибница проросла сквозь горшок, въелась в глиняный пол и в деревянные стены землянки. Мокше стало ясно, что надо брать топор, сбивать вокруг грибницы всю породу, чтобы нигде ни кусочка не осталось, и тащить все это на двушку. Пока это возможно. Но вместо этого Мокша, задыхаясь от непонятного ужаса, выскочил из землянки. Голубоватое мертвенное сияние вытекло за ним следом.

Мокша стал таскать из ручья камни и заваливать землянку – и так, пока не завалил совсем. «Не прорастет гриб! Где ему!» – убеждал себя Мокша, но сам знал, что обманывает себя. Сквозь Каменный Зуб пророс гриб, сквозь скалу – а тут-то просто камни ручейные, дерево и мох.

В следующий раз Мокша пришел сюда через неделю. Камни, которыми он завалил землянку, дышали таким жаром, что на десять шагов не приблизишься. Попытался Мокша, но едва не задохнулся. Сияние уже было не просто голубое, а почти белое. Дух шел тяжелый, как из болота. Кружилась голова, мерещилась всякая чушь. Камни плавились, стягивались, бурлили, точно ведьма варила земляной суп в котелке. И повсюду в кипящей массе нити грибниц расползались, дрожали и испускали свет.

Мокша животом бросился в седло. Торопливо направил Стрелу к Москве. Чудилось ему, что жар гонится за ним, тянется раскаленной рукой, но нет… померещилось! А свер-

ху так и вовсе холм показался обычным холмом. Просто крошечная точка на теле леса!

Постепенно Мокша убедил себя, что и холма никакого нет, и землянки, и грибницы. День был хороший, ясный. Воздух прозрачный, на небе ни облачка. С седла отчетливо виднелась строящаяся стена Китай-города. Тянулись по дороге обозы с камнем. Возчики шли пешком, берегли коней. У реки паслось овечье стадо, а посреди стада – черный, весь в репьях, козел. Старый, рогатый, носатый.

Мокша сидел в седле, подставив лицо ветру, и размышлял, рассказывать ли Митяю о том, что он наделал. Видно, придется. Шила в мешке не утаишь. Мокше даже не то было досадно, что он пронес в наш мир грибницу, которую не стоило проносить, а то, что Митяй и тут оказался прав! Всегда прав, всегда! Мокша так хорошо представил себе лицо Митяя, что не выдержал и стал хлестать Стрелу краем поводьев по лбу и по беззащитным глазам.

Любовь Мокши к Митяю была похожа на ненависть, с непрерывным зорким недоверием. Любит – а сам присматривается, нет ли какой трещинки для сомнения, чтобы разочароваться и возненавидеть. Наверное, подобной любовью любил Иуда.

* * *

Вечером Мокша улучил минуту, когда Митяй останет-

ся один, и рассказал ему обо всем. Ничего не скрыл, себя не выгораживал, выглядел удрученным, но при этом умело обходил острые углы. Ничего ужасного он не совершил. Просто не подумав пронес грибницу из одного мира в другой. На двушке не может быть ничего плохого, разве не так? Следовательно, и гриб хороший. А что разросся – так кто ж знал, что все так будет?

Митяй слушал не перебивая. Хмурился, но Мокшу не ругал. Ближе к концу рассказа захватил кирку, лом, топор, заступ. Позвал с собой Фаддея и Гулка Ражего. Вместе они отправились к землянке. Мокша был недоволен, что взяли Фаддея и Гулка. Он Митяю рассказал по секрету, а тот, получается, раскрыл его тайну! Никому нельзя верить! Гулк шагал крупно, покачивал тяжелыми руками. Фаддей же всю дорогу задавал Мокше вопросы, а ответы выслушивал с таким видом, словно наперед ему не верил. Мокша был искренне возмущен. Тяжелый человек Фаддей!

Они добрались до места. Вершина холма сплавилась. Гулк Ражий бесстрашно полез в самый жар, нанес несколько ударов заступом и отскочил, закрыв локтем лицо. Когда он убрал локоть, стало видно, что брови у него опалены. Но Гулк есть Гулк. Засопел и полез опять. Земля, по которой он ударял заступом, звенела. Вскоре заступ отлетел от ручки. Нет, заступом не взять!

Фаддей – тот даже копать не пытался. Стоял подбоченившись и смотрел на Мокшу. Потом ядовито произнес:

– Сходил Прошка по грибки!

Мокша вышел из себя, раскричался, припоминая Фаддею все его ошибки. Минуту назад он и не помнил никаких ошибок Фаддея, а тут точно кто ему на ухо шептал. Кричал Мокша ладно, зло. И срубы Фаддей поставил не на том месте, и пеги от дурной травы едва ноги таскают, и водопой скверный, и ветра гнилые – а за всем за этим ярко маячит отрицательная фигура Фаддея.

Фаддей обиженно засопел и животом полез на Мокшу. Тот подпрыгнул, как воробей, и толкнул его в грудь. Гулк Ражий решительно встал между ними. Миролюбиво предупредил:

– А ну остыли! Обоих зашибу!

И правда ведь зашибет.

Митяй спустился с бадейкой к ручью, набрал воды и вылил воду на спекшуюся землю. Вода зашипела. Митяй покачал головой и опять спустился к ручью. Казалось бы, от воды камни должны были остывать – но странное дело: чем больше воды Митяй носил, тем сильнее раскалялась земля. Жар охватил и ту часть холма, трава на которой была до этого просто жухлой.

Фаддей схватил Митяя за руку, выбил бадейку. Бадейка покатилась по пологому холму.

– Ты чего? – спросил Митяй.

– Да ничего! Кто ж с грибами водой борется? Они от воды только растут!

Мокша перевел взгляд на дымящийся холм. Если не считать того места, куда Митяй так неудачно вылил воду, выжженный круг имел ровные границы. Кажется, будто в холм воткнули сосульку, устремленную строго вниз. Мокше вспомнился Каменный Зуб.

Вспыхивали и гасли голубоватые искры. Митяй наклонился и, не боясь обжечься, подставил руку. Мокша ждал, что и от Митяя искра убежит, но искра сама прыгнула Митяю на руку, пробежала по пальцу и замерла на середине ладони. Выглядело это как чудо. Словно волшебное яблочко пробежало по тарелочке.

– Ну что, рассказала о себе? – спросил Фаддей.

Митяй засопел. Потом ответил:

– Этот гриб… не должно его тут быть… Он теперь растет на двушку.

– Как растет на двушку?

– Так и растет. Что ему у нас делать?

– А как же болото? – спросил Гулк. – Там же на пути у него болото?

Послышался плеск. Бадейка наконец добралась до воды, и теперь ручей катил ее по мелкому дну.

Глава четвертая. Великолепнейшее существо

Для меня это навязчивый образ. Я иду через лес по узкой тропе. За день мне нужно покинуть лес и добраться до замка в горах. Останавливаться нельзя. Ночью прокатится огонь и испепелит весь лес, оставив только замок. Я знаю об этом уже сейчас. День солнечный. В лесу поляны. На одной пируют. На другой много смеющихся девушек. Все красивые, всем я нравлюсь. На третьей разбросана куча всяких нужных и ненужных вещей – бери что хочешь… но вот беда: вещи тяжелые, через лес их не протащишь… И каждую секунду меня сверлит мысль: «А вдруг наврали? Вдруг нет замка в горах? Вдруг не будет никакого огня?» И ужасно хочется зависнуть на одной из этих полян. Но я зачем-то иду.

Из дневника невернувшегося шныра

Гамов и Наста стремительно перемещались по Подмосковью. То ли Гамов прятал Насту от шныров и одновременно от ведьмарей, то ли просто так складывалось. Вначале они жили в «Серебряной молнии», затем в «Гранд-Лэйк», потом в «Современной Голландии», а теперь вот в «Лесных вершинах». Все это были роскошные коттеджные поселки, и все как один с названиями, которые им не подходили. Например,

почему «Лесные вершины»? Может, это намек на то, что леса рядом вообще нет, но в хороший бинокль действительно видны его вершины?

Дом в «Лесных вершинах» был роскошный. Полупрозрачный, геометрически правильный, похожий на гигантский аквариум. Проводка в стенах, трубы нарочито на виду, для усиления техностиля. На первом этаже – бассейн. Узкий карандаш воды с постоянно поднимающимися пузырьками воздуха, в котором плавали тропические рыбы. Когда рыба оказывалась в пузырьке, ее буквально подкидывало вверх. Временами в этом бассейне плавал и хозяин коттеджа, а рыбки щипали его за плечи и ноги.

Хозяином дома был маленький старичок с волосами как у Эйнштейна. Он был худ, как эльф, изящен и вечно придумывал для себя какие-нибудь интеллектуальные развлечения. Любил мозаики из бесконечного количества фрагментов и на досуге придумывал шифры, на разгадку которых у самой умной машины ушло бы до миллиона лет.

Наста видела его всего несколько раз и никогда с ним не разговаривала. Коттедж был огромен, и в нем легко могли проживать несколько человек, почти никогда не встречаясь друг с другом.

– Где ты с ним познакомился? – спросила она у Гамова.

– Друг моего отца, старый холостяк! – пояснил Гамов. – Я знаю его с детства. Он тогда еще в Москве жил. Когда мы приходили к нему в гости, меня всякий раз предупреждали,

чтобы я ничего не трогал. Он обожает порядок.

– Разве старые холостяки любят порядок? – удивилась Наста.

– Некоторые – да! Ты приходишь к нему в гости и трогаешь какую-нибудь крышечку от фотоаппарата, а он неотрывным дружелюбным взглядом смотрит, как ты это делаешь. Он потому, может, и холостяком остался, что кто-то когда-то покусился на уборку в его комнате.

– Тут роскошно! – сказала Наста.

– Само собой. Я люблю, когда вокруг все достойно! – сказал Гамов. – Не то что шныры! Вот уж пофигисты восьмого уровня! Способны ужиматься бесконечно! Будут толпой сидеть на чердаке и хлопать глазами! Потом найдут пачку манки, сварят и съедят ее одной ложкой, даже не отсеяв из манки жучков.

Наста засмеялась, хотя то, что он сказал про шныров, было ей неприятно. Насте было хорошо с Гамовым. Он был с ней заботлив и предупредителен. С ним сложно было поссориться. У тебя только еще начинало портиться настроение и хотелось побыть одной – а он уже исчезал, чтобы не попасть тебе под горячую руку. А едва настроение улучшалось – и вот уже прекрасный Женечка Гамов, появившийся как из-под земли, тут как тут. В руках поднос с кофе и печеньем.

Или, напротив, он оставался, прижимал твою голову к себе и утешал. А как он был заботлив в мелочах! Стоило, например, сказать, что тебе хочется пижаму с совами – как у

тебя мигом оказывалась именно такая пижама и именно с такими совами. «Пришлось слетать в Норвегию, – сознавался Гамов, – потому что в Москве ну совершенно не такие совы!»

Наста была счастлива – но счастлива тревожным, неприятным, краденым счастьем. Точно ты фотографируешься возле чужой машины, небрежно поставив ногу ей на колесо, улыбаешься, но краем глаза отслеживаешь, не появится ли настоящий хозяин, и уже готовишь на всякий случай виноватую улыбку. Временами ей казалось, что Гамов, как паук, оплетает ее своей паутиной – до момента, пока не будет уверен, что ей не вырваться. И тогда он неторопливо вскарабкается по паутине, сладко улыбнется, скажет: «Закрой глазки, милая!» – и, превратившись в эльба, выпьет ей мозг. Брр! Что за больные фантазии!

Гамов относился к Насте настолько серьезно, что даже решился познакомить ее со своей мамой, прилетевшей в Россию с Лазурного Берега. Имя-отчество у нее было какое-то сложное, и Наста, чтобы не запоминать, называла ее про себя МамаГама. Как-то вечером они поехали к МамеГаме есть пиццу. Насте захотелось сделать для МамыГамы что-нибудь приятное. У мусорки она тайком от Гамова поймала котенка и сунула его за пазуху. В ШНыре считали, что самый лучший подарок – подарить что-нибудь живое и прикольное. Крысенок там, котенок – кто попадется.

МамаГама встретила их в коридоре. Она была очень кра-

сивая. И фигура, и лицо. В первую минуту Наста даже решила, что она сама старше мамы Гамова. МамаГама окинула Насту быстрым оценивающим взглядом. Зацепила шрамы, татуировочку, короткие, едва отросшие волосы, небольшую костяную шишку на лбу. Шишка осталась со времен, когда Наста в пятнадцать лет пыталась набить себе лоб, чтобы там была костяная мозоль. Глупая была, зеленая.

– Ах! – воскликнула МамаГама, распахивая руки как для очень крепких объятий, но обнимая Насту довольно вяло. – Ах! Ах! Какая ты хорошенькая! Что это тут у тебя такое мягкое?

– Это вам! – сказала Наста, выуживая из-за пазухи кота. По котику ползали блошки. Наста небрежно сдула их и вручила котика маме. Но МамаГама котика почему-то не брала, а пятилась от него, защищаясь руками. – Под баком поймали! – дружелюбно объяснила Наста. – Где у вас ванная? Я его в тазике помою, там же и блошек потоплю.

МамаГама посмотрела на Насту слезящимися глазами и исчезла в комнате. Через минуту Наста услышала, как она в ужасной истерике звонит кому-то и требует у него приехать. Гамов попросил у Насты остаться в коридоре, а сам последовал за мамой. Оставался он там недолго. Вышел, поймал котенка и, поманив Насту за собой, увел ее из квартиры.

– Знакомство придется отложить до другого раза, – сказал он мягко.

– С МамаГамой все хорошо? – спросила Наста.

– С кем, с кем? – напрягся Гамов.

– Ну с твой мамой?

Гамов облизал губы:

– Видишь ли, у мамы дикие фобии. Тебе стоило со мной посоветоваться. Она боится, что у нее может начаться отторжение тканей. Она же очередную пластику себе сделала недавно.

В общем, к МамеГаме они больше не ездили. Пиццу она, видимо, съела сама, а через пару дней улетела на Лазурный Берег. Лазурный Берег у Насты зависти не вызывал. Она была там пару раз и не понимала, чем он глобально отличается от Новороссийска. Длинная набережная, какие-то мокрые плиты. Ветер и холодно. Турок продает устриц, которых готовит в маленькой жаровне. И все стоят рядом и умиляются. А турок дает им пледы, чтобы можно было согреться.

А когда в Геленджике примерно такой же абхаз продает примерно таких же устриц, все морщатся и говорят: «Траванешься еще! У него и справки на товар нет!» А у турка на Лазурном Берегу есть справка? Он каждую устрицу в лабораторию сдавал? Просто если заболеешь норовирусом на Лазурном Берегу – это романтика и приключение, а если в Геленджике – то это кошмар и «я тебя предупреждал».

Шныры вообще путешествовали много, используя возможности *сирина* и компьютерные карты, чтобы ясно представлять себе места телепортаций. Переносились то на горные вершины, то в джунгли Амазонки. Быстрый такой ту-

ризм, на несколько часов. Один из шныровских бонусов. Главное – одолжить у друга резервную нерпь или подзарядиться где-то на месте. Шныруйтесь, маменька, и вперед!

За годы, проведенные в ШНыре, Наста побывала в сотнях разных мест. Особенно она любила крыши – главным образом потому, что легко было обнаруживать их фотографии в Сети. Она посетила множество крыш в Гонконге, Судане, Мексике, Кении. И везде почему-то пахло супом. Даже там, где супу явно предпочитали похлебки из кукурузы и бобов.

Чаще всего Наста путешествовала в компании Рузи и Фреды. Рузя был человек деловитый и неунывающий. Легко входил в контакт с местными, менялся, раздобывал еду и вообще был большим специалистом по безденежным сделкам. В ШНыре считали, что Рузя когда-нибудь сменит Кузепыча.

Фреда забавно охала и считала своим долгом по сто раз сфотографироваться рядом с каждой достопримечательностью. Она почему-то была убеждена, что самая ужасная страна в мире – Россия и что если где-то что-то дурное происходит, то только у нас. «В Италии не воруют!» – повторяла она раз сто. И когда у нее в Италии нагло своровали телефон, она все равно не изменила своему мнению и сказала: «Ну, это кто-то из наших!»

А теперь и Рузю, и Фреду, и ШНыр – всех заменил один Гамов, совершенство всех совершенств. Денег у Гамова было много. Тратил он их с толком. На самое лучшее оружие, на самое лучшее снаряжение, на самую лучшую одежду. Вот тут

только сразу возникала проблема: что считать самым лучшим? Ни одна фирма в мире не сознается, что выпускает самое худшее. Так что считать лучшим? Самое дорогое? Но и это не показатель. Гамов сидел долгими вечерами, сопоставляя два каких-нибудь товара по параметрам, залезал на сайты, смотрел обзоры, напряженно мыслил, и Наста в такие минуты испытывала к нему искреннюю нежность, потому что ясно видела, что Гамов все-таки дурачок.

– Рузя бы тебя легко обвел вокруг пальца! – сказала она как-то, не удержавшись.

Гамов поставил на паузу обзор арбалетов.

– Это еще почему? – спросил он.

– В ШНыре все подрабатывают где могут, – объяснила Наста. – Денег-то ни у кого нет. Родион занимается объездкой лошадей. Купит крутой человек лошадь – и понимает, что лошадь не «мерс». Лягается и кусается. Ул таскает с *двушки* всякие грязюки на кремы. Не закладка, но получше всякой косметики. Афанасий пишет любовные письма на заказ. У него есть коронная фраза: «**Вас, милостивая государыня, ужасно люблю и считаю великолепнейшим существом**». Много-много счастливых браков сложилось благодаря этой фразе. Никто не знает, что Афанасий списал ее у Достоевского!

– Хорошая фраза! Есть в ней шик и непонятная магия. А если всплывет, что это фраза Достоевского, девушка только больше будет тебя уважать, – признал Гамов, на секунду за-

крывая глаза и, видимо, стараясь запомнить слова, что Насте совсем не понравилось. – А Рузя как подрабатывает?

– Рузя сидит на холодных звонках! Он очень хорошо по телефону говорит. Голос у него представительный! – Наста засмеялась – так ей не терпелось передразнить Рузю. – Самая трудная вещь – раскачать человека на покупку! Демонстрирую, как он это делает! – Наста схватила телефон Гамова и ткнула в первый попавшийся номер в списке контактов. Ей ответил сонный голос: – Здравствуйте! – затарахтела Наста. – Сергей Юрьич? Наша компания хочет сделать вам уникальное предложение! Утюг «Жамфунг»! Долго сохраняет тепло и при необходимости позволяет жарить яичницу в режиме экономии электроэнергии. Представляете, как удобно? Погладили себе мятые спортивные штанишки, а потом на остывающем утюге приготовили яичницу, перед тем как идти на тяжелую и неблагодарную работу!

Трубку бросили. Наста сдвинула брови и хладнокровно перезвонила по тому же номеру:

– Ты не стоишь нашего утюга, Юрьич! И никогда не будешь его стоить! Ты усвоил это? Ни-ко-гда! Он тебе просто не по карману, потому что ты лузер! – проникновенно произнесла она и повесила трубку. – Главное – сделать это первым, пока клиент не успел высказаться! Если выскажется, холодный звонок никогда не станет горячим! – пояснила она.

Насте немедленно стали перезванивать, но Наста трубку снимать не стала, только удовлетворенно хмыкнула.

– Вот примерно так Рузя все и делает! – сказала она. – А дальше все по обычному сценарию. Этот парень будет притворяться, что хочет купить утюг, чтобы заманить Рузю и поставить ему фонарь под глазом. Но курьером к нему поедет не Рузя. У фирмы есть специальные ребята, борцы из Дагестана. И им будет обидно, что они ехали через весь город, потратили свое время, а утюг у них не купили. Неуважение, понимаешь. Мужчина дал слово, что купит, – должен слово сдержать.

Гамов забрал у развоевавшейся Насты телефон, который продолжал сердито вибрировать, посмотрел на экран и на секунду прикрыл глаза ладонью.

– А сколько борцов обычно ездит? – спросил он.

– Обычно два, – сказала Наста.

– В этом случае лучше будет послать четырех! Потому что ты впаривала утюг бандиту, который крышует моего папу, когда у него проблемы. Разбудила его среди ночи и обозвала лузером! – сказал он.

– Ух ты! – обрадовалась Наста. – Сбросишь мне его номер? Рузя впарит ему кредитный пылесос, который надувает воздушные шарики! Там комиссия агенту двадцать процентов!

Гамов, не так уж сильно разозлившийся, когда Наста создала ему проблему с бандитом, теперь почему-то огорчился гораздо больше. Брови у него сомкнулись.

– Перестань думать о ШНыре! Ты ведь теперь со мной! –

Он посадил Насту к себе на колени и стал целовать ей щеки и лоб. – Это откуда? С кошкой царапалась? – спросил он, целуя три коротких рядом расположенных шрама.

– От доски с гвоздями. Псиосный один размахивал, – счастливым голосом сказала Наста.

– И что ты ему сделала?

– Да ничего. Он сам больше моего испугался. Мы его с Родионом к закладке охранной подтащили, так он обвис, будто его вырубили… Надеюсь, личинку с концами прикончили.

– И этот тоже от доски? – спросил Гамов, целуя другой шрам. Конец этого шрама прятался в коротких волосах Насты.

– А, нет! Это Фантом на меня обиделся.

– И сильно ты его обидела?

– Смертельно. Я начистила ему яблок, моркови, и одна морковка у меня из миски упала. Я наклонилась, чтобы ее поднять, а он решил, что я хочу ее себе забрать – ну и рванул зубами…

– Странно, что он такой осел! – сказал Гамов.

– Действительно странно. С чего бы?

– И как ты поступила? Ничего ему не сделала?

– Еще как сделала! Я его тоже укусила. Весь рот шерстью забила. И такое из меня вдруг творчество поперло! Суповна мне рану зашивает, ругается – я на гитаре играю и пою!

– Девушка, которую я полюбил, кусает ослов! – сказал, улыбаясь, Гамов и снова поцеловал ее.

Наста прижалась к нему разгоряченной щекой. Потом резко отстранила Гамова. Ей вспомнилось строгое лицо Кавалерии и почему-то Рузя, негодующий и нелепый маленький герой. И словно закачались где-то в пространстве весы. Чаша с Гамовым как более легкая начала медленно подниматься наверх.

Гамов как-то угадал, что у Насты изменилось настроение. Его лицо на несколько секунд растерянно застыло, подыскивая нужную маску. Наста ясно это видела. Актер! Скажи актеру: «Ты же офицера играешь! Офицер не может быть такой тряпкой!» – он – раз! – мигом стал бы брутальным. «Нет, это перегиб… Спецназ нам не нужен! Ты же белый офицер! Больше аристократизма!» – и вот актер уже тонкий, нервный, с трагическим достоинством! А где настоящая душа актера? Да кто ж ее знает!

Да и потом: смогла бы Наста полюбить настоящего Гамова? Сорви с него все маски – и там, может, только и останется на дне что кучка тщеславия, львиного рычания и вельможной лени. Настроение не просто испортилось, а буквально рухнуло в пропасть.

Гамов внимательно посмотрел на нее.

– Давно хотел подарить тебе одну штучку! – сказал он, и с руки у него как по волшебству змейкой стекла тонкая серебряная цепочка. На цепочке покачивалась одинокая крупная жемчужина.

– Красиво? – спросил он.

– Да, очень. Что это? – Наста протянула к жемчужине руку, но почему-то не осмеливалась ее коснуться.

– Синяя жемчужина. Жемчужины такой расцветки – видишь, она почти кобальтовая? – встречаются исключительно редко! Дионисий говорит: у синих жемчужин есть уникальное свойство. Стоит сказать, что какой-то проблемы не существует, – и она действительно перестает существовать.

– В смысле, она разрешается? – спросила Наста.

– Нет. Но ты перестаешь воспринимать ее как проблему. Мы все ужасно много заморачиваемся! – объяснил Гамов. Он поднял руки – и цепочка с жемчужиной, как живая, скользнула к Насте на шею.

И сразу же все проблемы действительно перестали существовать.

* * *

По утрам Гамов обычно подолгу спал, после чего возился с гантелями, отжимался, бил грушу или созерцал перед зеркалом свой пресс. Если видел, что набрал лишних восемьдесят граммов, мрачнел и в тот день не ужинал. Насту это слегка пугало. Она привыкла, что в ШНыре все ели и ночью, и днем, и вообще всегда, когда представлялась возможность. Суповна любила повторять: «Счастливый шныр – сытый шныр» и «Хорошего человека должно быть много».

Насте не нравилось, что рядом с Гамовым постоянно на-

ходился Аль. Он лежал где-то рядом и неотрывно смотрел на хозяина. Изредка куда-то улетал и прилетал, причем всегда после этого от него неприятно попахивало, а один раз Наста видела, как Аль вылизывает на лапе темные пятна.

– Гиела – что ты хочешь… – пожимал плечами Гамов. – Сама знаешь наши дороги. На каждые десять километров – по сбитой кошке.

Насту Аль не трогал, вообще ее не воспринимал. Как-то она случайно наступила ему на лапу, он лишь слегка зарычал и отодвинулся, даже не попытавшись ее укусить. При этом Наста чувствовала, что для Аля она ничего не значит и если Гамов прикажет, гиела на нее набросится. И еще Насте страшно было смотреть, как Аль ест, и слышать, с каким звуком он разгрызает кости.

Порой на Гамова находили приступы нежности. Он начинал тормошить Аля, бодал его лбом и повторял:

– Ты мой мальчик! Ты один меня понимаешь!

– А я твою сложную душу не понимаю? – ревниво спрашивала Наста.

– Чтобы жить с гиелой, нужно половину жизни посвятить гиеле! – объяснял Гамов.

– Половину гиеле – половину мне… Ладно, вдовы, сойдет! – великодушно уступала Наста.

Пока Гамов спал по утрам, Наста бегала. Одевалась в дышащий комбинезон, который Гамов купил ей в Боливии, потому что, по его словам, спортивная одежда в других стра-

нах не котировалась. Делали ее из чего попало, чуть ли не из старых пакетов, и вкладывались лишь в рекламу. В Боливии, по словам Гамова, чудом сохранилась пара фирм, которые делали настоящую одежду, но их не выпускали на международный рынок, и они так и сидели где-то у себя в Боливии, едва выживающие и совершенно ненужные местным фермерам.

Дышал комбинезон или нет, до конца было неизвестно, но, во всяком случае, бегалось в нем удобно, хотя Насту и раздражали многочисленные молнии и затягивающиеся ремешки. Чутье шныра подсказывало, что если нырнуть в таком комбинезоне, то на *двушке* все эти накладные капюшоны, молнии и вставки потекут и придется срочно срывать с себя всю эту сбрую, пока не стало слишком поздно.

«Лесные вершины» был поселком бизнес-класса. Вся природа за трехметровыми заборами, куча камер и шлагбаумов, которые открывались то по звонку телефона, то с отдельного пульта, то вообще не открывались. В промежутках между заборами – вечные ветра, раскачивающие таблички «Не въезжать!», «Не входить!», «Не парковаться!», «Не топтать!», «Не трогать!». В общем, дышать здесь свободно, наверное, мог один только боливийский комбинезон.

Бегать было толком негде. Вокруг «Вершин» наматывать круги хоть и безопасно, но глупо. Поля все перекопаны, а дороги размокли от дождей. Наконец Наста нашла неплохой маршрут: до станции электрички и дальше по асфальто-

вой дорожке, которая соединяла соседние станции. В проводах гудел ветер. В воздухе был густо разлит запах креозота, которым пропитывают шпалы. Здесь на третий или четвертый день Наста встретила девушку, которая ловко скакала прямо по шпалам. За ней неуклюже ковылял молодой человек, жаждущий познакомиться. Бегунья против знакомства не протестовала, но свой номер телефона давала своеобразно: не снижая скорости бега.

– Мой номер… – Еще через сто метров: – Плюс семь… – Еще через двести метров: – Девять… – Еще через сто метров: – Успеваешь записывать?.. Тогда еще поднажмем! Ноль шесть… Эй! А ты где? Всего каких-то несколько цифр осталось!

Но молодой человек давно уже пыхтел где-то на обочине. Девушка догнала Насту и побежала с ней рядом. Одета девушка была совсем не по-спортивному. Смешная куртка, шарф… На ногах не кроссовки, а ботинки.

– Видела? – спросила она.

– Да, – отозвалась Наста.

– Не выдержал борьбы за существование!

– Он просто сдался. А так вполне еще мог бежать, – заметила Наста, вступившись за молодого человека.

Девушка пожала плечами:

– Ну, раз мог бежать, а не бежал – значит, у него была слабая мотивация. Нам такие не нужны! – сказала она и, вглядевшись в Насту, внезапно воскликнула: – Привет! Я тебя

знаю! Ты Наста!

Наста остановилась и непонимающе уставилась на нее.

– А я Оля!.. ну которая с морским котиком… Я тут рядом живу! В водохранилище сидеть холодно. С утра до ночи читаю. Наушники у меня были крутые, но они уплыли…

– Как уплыли?

– В банке. Я засунула их в банку, чтобы они не промокли, и зачем-то потащила на дно. В банке был воздух. Банка всплыла, и больше мы с ней не встречались. В общем, проза жизни. А тебя какими ветрами сюда занесло?

Наста сказала, что живет в «Лесных вершинах». Оле это название ровным счетом ничего не объяснило. Она хорошо знала только систему рек, шлюзов и каналов.

– От воды далеко? – спросила она. – А почему ты не в ШНыре?

– Я ушла с Гамовым, – сказала Наста.

Оля задумалась, явно припоминая, кто это. Потом припомнила и усмехнулась:

– А-а, притворюшка! Поняла! – И это было все, что она сказала. Но это было самое емкое «а-а, притворюшка!» в мире. Если бы на голову Насты вылили ведро ледяной воды или прочитали ей пятичасовую лекцию о Гамове, лекция не подействовала бы лучше.

Назад в «Лесные вершины» Наста возвращалась пешком, хотя пробежала всего каких-то восемь километров. Настроение у нее было паршивое. Чудилось, будто она сидит в спа-

сательной шлюпке, а где-то недалеко, у нее на глазах, с пробоиной в борту уходит под воду громадный корабль ШНыра. А может, и не уходит. Может, твердо сидит на подводных рифах. Это только люди паникуют и прыгают в воду, считая, что все пропало. На самом деле так происходит уже сотни лет, а корабль все в том же состоянии, что и прежде.

Наста стала думать о Гамове. Может, потому, что она устала, и погода была скверная, и небо серое, буквально втиснутое в землю, мысли были самые неутешительные. Она и любила его, и тянулась к нему, но одновременно многое ее отталкивало. Она вспоминала внимательное лицо Гамова, всегда принимающее именно то выражение, которое было необходимо в данный момент. Он под всех подстраивался, совершенно не замечая этого. Когда видел Белдо – подстраивался под Белдо, видел Младу и Владу – подстраивался под них. Нет, не подлизывался, но вел себя именно в том ключе, как было надо.

«Притворюшка!» – вспомнила Наста, и ей стало так досадно, что она сорвалась с места и метров двести пронеслась с такой скоростью, что задохнулась и вынуждена была остановиться.

В животном мире есть узкоспециализированные охотники. Кто-то охотится на птиц, кто-то на мышей, кто-то на мелких ракообразных, выцеживая их клювом из воды. И на чужую добычу даже не смотрит, потому что для чужой добычи нужны иные формы и иные орудия охоты. Люди тоже уз-

коспециализированные охотники. Кто-то охотится внешностью, кто-то умом, кто-то силой, кто-то хитростью, кто-то моральным давлением, кто-то быстрой речью с опережающими вопросами. Существует целый ряд профессий, предполагающих узкоспециализированную охоту. Посмотрите на опытную продавщицу – думаете, она вас не видит? Еще как видит, и все уже про вас знает. Но она лишь тогда шевельнется, когда ощутит, что поклевка будет не холостая. Порой кажется, что человек зомбированный. Раз за разом прокручивает одну и ту же игру, которая когда-то дала ему бонусы. Если же кто-то в нашу игру не играет, мы перестаем его воспринимать. Ворона не смогла унести котенка – тот оказался чуть тяжелее, чем она ожидала… Ворона больше не пытается, и вот котенок и ворона спокойно сидят рядом на траве, потеряв друг к другу интерес. Он для нее *уже* не добыча, она для него *пока* не добыча.

Наста вернулась в «Лесные вершины» с твердым намерением разобраться с Гамовым раз и навсегда. Гамова она нашла в спортивном зале. Он выполнял жим штанги от груди. Наста незаметно подошла к нему и оперлась о штангу, мешая ему поднять ее. У Гамова глаза полезли на лоб.

– Отпусти! Задавишь! – прохрипел он.

– Не верю! – торжественно произнесла Наста. – Ты притворяешься! Если хочешь, чтобы я тебя любила, живо перестань быть притворюшкой!

– Хорошо-хорошо!.. Аль, назад! Кому сказал! Назад!

Наста резко обернулась. К ней, скалясь, приближался Аль. Наста отскочила.

Гамов кое-как вернул штангу на опоры:

– Уф! Думай, что делаешь! Он же тебя мог укусить!

– Почему? – спросила Наста.

– Ему что-то не понравилось в моем голосе. Он решил, что мне грозит опасность… Ты меня чуть не прикончила! Сто двадцать килограммов – это мой максимум. Я одно повторение с таким весом могу сделать, а ты навалилась! – сказал Гамов и отправился пить апельсиновый сок. Он вечно разводил в нем протеин, после чего долго встряхивал его в «шейке».

Насту встряхивание «шейка» взбесило, и она высказала Гамову все, что принесла с собой с пробежки. В ШНыре эти порывы Насты называли: «Чапаев атакует». В такие минуты лучше всего было молчать, потому что вякнешь – погибнешь. Гамов как опытная притворюшка помалкивал, пока Наста окончательно не утихла. Утихнув, она выдернула у Гамова из рук «шейк» и выпила все, что в нем было.

– Теперь я кое-что скажу! За последние… – Гамов взглянул на часы и пошевелил губами, – семь с половиной минут ты двенадцать раз назвала меня ведьмарем. О терминологии, конечно, не спорят, однако мне было обидно. Ты, конечно, считаешь, что ведьмари… как видишь, я использую твое слово… только плохие?

– Мерзкие! – сказала Наста.

– Это шныровское черно-белое кино. Игра в плохих и хороших.

– Врежу, – сказала Наста тихим голосом.

Гамов опять взглянул на часы:

– Сегодня сбор всех фортов, причем в необычном месте: на базе первошныров, у крепости. Гай хочет представить нового главу берсерков. Поехали со мной! Познакомлю с «позитивной гвардией».

– Это кто еще такие?

– Ну, скажем так: это молодые ведьмари, которые шире и современнее Гая. Ты ведь понимаешь, что история не стоит на месте? Белдо, Секач, Лиана – с ними все понятно. Это либо старички, либо все равно не наше поколение… И вот мы, несколько молодых, решили держаться вместе. У нас свои мысли и свои идеи. Короче, ты со мной?

Насте стало любопытно. Она сдернула со спортивного тренажера свою куртку.

– Я-то иду. А вот ты копаешься! – сказала она.

Гамов вздохнул и поплелся в душ, где, разумеется, плескался еще добрых полчаса.

Глава пятая. Тархов, Крейн и Зю

Сын человека, прошедшего подростком немецкий трудовой лагерь, говорит, что его отец до лагеря вообще не видел немцев. Один раз несколько немцев на мотоциклах через деревню проехали, и все. Зато сразу появилось множество предателей и полицаев. Все они надели повязки, ходили с оружием, загоняли в вагоны и все про всех знали. Народ истребляет сам себя. Вся мерзость человеческая, вся накипь лежит где-то на дне стакана, но когда стакан встряхивают – войной ли, революцией ли, какими-то иными потрясениями, – она поднимается.
Из дневника невернувшегося шныра

Поехали они на двухместной спортивной машине 1965 года выпуска, про которую Гамов мельком упомянул, что таких осталось только две в мире. Третья была у султана Брунея, но он ее разбил, когда врезался в песчаный бархан. Наста работала навигатором: смотрела в телефон и подсказывала Гамову, куда ему ехать. Гамов благодарил, повторяя: «Что бы я без тебя делал?» – но вскоре Наста убедилась, что он знает дорогу и без нее. Пару раз он сворачивал не туда, куда велел навигатор, и оказывался прав.

Гамов был неплохим водителем. Когда надо – обгонял, когда надо – терпеливо тащился за грузовиком. Впустую не рисковал и наудачу ничего не делал. Насте чудилось, что в

голове у Гамова компьютер, высчитывающий оптимальное поведение в той или иной ситуации. Примерно через час они свернули на проселочную дорогу, и тут Гамов опять вспомнил про султана и про песчаный бархан. Машина была с низкой посадкой. Скребла днищем и буквально ковыляла по грунтовке. В какой-то момент ее пришлось бросить и идти пешком.

У шлагбаума из леса вышли двое, обменялись с Гамовым несколькими фразами и пропустили их. У ворот караул несли две четверки берсерков и арбалетчик личной охраны. Здесь их тоже быстро опросили.

– Ага, Гай здесь… Ну, само собой… – буркнул себе под нос Гамов, кое-что уяснивший для себя.

Насте показалось, что он озабочен.

На просторной площадке стояло около полусотни машин, принадлежащих разным фортам. Гамов опытным взглядом определил, что каждая четверка держится у своей машины и каждый форт припаркован отдельно. Весьма дальновидно. Значит, взаимное недоверие фортов только усилилось. Не понимают, как и что обернется, и на всякий случай готовы ко всему.

Белдо и его верные Млада и Влада скользили в толпе, умело сея мир во всем мире. Ловко перемешивали четверки, шутили, звенели дружелюбным смехом и придумывали всем увлекательные занятия. Им помогала Катя Грекова. Она шла под ручку с Младой и изредка, незаметно направляемая сво-

ей спутницей, выцепляла острыми ноготками то одного, то другого берсерка из самых опасных.

– Мальчики, ну почему вы такие буки? Почему нельзя просто побыть рядом со мной? – щебетала Катя, незаметно пощипывая его.

Контактная магия – вещь исключительно сильная. И бедняга на несколько часов становился верным ее рабом. Двое поклонников уже ухитрились повздорить и с хеканьем налетали друг на друга с топорами. Топор не рапира. Долго биться на топорах, эффектно отражая выпады противника, а потом слегка уколоть его в плечо еще никому не удавалось.

Белдо встревожился, что драка перейдет в общее побоище. Махнув ручкой Кате, чтобы она разняла дерущихся, он стал отвлекать внимание остальных от стычки. Одна из машин магического форта забуксовала на ровном месте, выбрасывая из-под колес фонтаны грязи. Хорошенькая ведьмочка, сидящая за рулем, пищала и охала. Шесть здоровенных берсерков суетились вокруг, налегали на машину плечами и старались ее вытолкнуть. Однако почему-то чем больше берсерки пыхтели, тем глубже увязала машина. Влада посмеивалась и незаметно шевелила за спиной пальцами.

К Гамову и Насте, ловко лавируя в толпе, уже пробивались трое – два парня и девушка. Один парень был толстый, с неровным розовым румянцем на полных щеках. Другой тонкостью лица и изяществом фигуры напоминал элегантного и умного пажа. Девушка была маленького роста, широкая в

плечах, носила мужской костюм и курила трубку.

– Знакомься! – тихо сказал Гамов Насте. – Это вот и есть наша позитивная гвардия!.. Круглый – Павел Тархов. Тот, что похож на пажа, – Юрий фон Крейн. У него фамилия какая-то другая, но вроде его прадедушка действительно был фон Крейн. Девушка – это Зю.

– Зю?

– Да. Просто Зю.

– А почему они позитивная гвардия? Что они позитивного делают? – спросила Наста.

– Ну, им плевать на Гая и весь официоз. Они делают что-то реальное. Тархов хочет, чтобы люди перестали использовать нефть и использовали бы как топливо океанскую воду. Зю создает безопасный смартфон. Всем же понятно, что смартфоны – зло. Но они удобны, все к ним привыкли, и понятно, что доказывать что-либо бесполезно. И вот Зю хочет придумать такой смартфон, который не вызывал бы зависимости. Черно-белый, что ли, я не помню.

– И что, все перейдут на черно-белые смартфоны? – усомнилась Наста, созерцая девушку с трубкой.

– Ты забываешь, что Зю имеет отношение к форту Белдо. И одновременно к форту Долбушина… Сорри – уже к форту Лианы!..

– А третий? Который фон чего-то там? – спросила Наста с вызовом, поскольку трое «позитивных гвардейцев» уже пробились к ним и могли все прекрасно слышать.

– Барон Юрий фон Крейн – философ свободного духа! А еще поэт, писатель, немного художник! – торжественно представился паж, слегка кланяясь Насте. Он ничуть не выглядел обиженным. – А вы, сударыня? С кем имею честь?

– Это Наста! – сказал Гамов. – Девушка моей мечты!

Зю вытащила трубку изо рта и чубуком трубки почесала себя за ухом. Сделано это было с явным вызовом. Насте захотелось спросить у нее, можно ли будет разбить безопасный смартфон молотком, но она сдержалась.

– Да-да! – сладко улыбнулся Юрий фон Крейн. – Ты был прав, Гамов! Твоя Наста действительно очень хороша! В ней есть что-то лесное, дикое, настоящее! Запах степи и полыни!

Гамов сильно смутился.

– Юрий – большой оригинал! – сказал он торопливо. – Ты ведь знаешь его историю? Однажды он явился в Кубинку и потребовал встречи с Гаем! Вот так вот запросто, с улицы. Не знаю уж как, но к Гаю его пустили.

Фон Крейн засмеялся:

– Я сказал Гаю все напрямую! Я сказал так: «Я эффективен! Я хочу на вас работать! Я могу быть эффективнее, чем тридцать ваших идейных идиотов». Гай ответил мне: «Да? То есть в мои идеи вы не верите?» Я ответил: «Какая разница? Рекламщик не обязан пользоваться шампунем, который рекламирует. Вы мне создайте условия, а правила игры я заранее принимаю».

– А Гай? – спросила Зю с искренним интересом, хотя, ви-

димо, слышала эту историю и раньше.

– А Гай засмеялся и сказал: «Ну-ну! Был такой человек – Петр Толстой. Он служил царевне Софье, а потом перешел к Петру Первому и сказал: «Возьмите меня на службу! Я буду очень полезен!» Петр ему: «Так ты же служил царевне Софье!» – «Что из того? В любую эпоху нужно как-то барахтаться!» Петр его взял – и не разочаровался. Потом прошло двести лет, и ситуация повторилась один в один. Потомок того самого Толстого, Алексей Толстой, очень крепкий писатель, тоже прямо или косвенно сказал Сталину: «Какая разница, верю я в вашу советскую власть или нет? Создайте мне условия – и я за пару лет создам вам рабоче-крестьянскую литературу, с чем ваши бездарные пролетарские писатели не справятся и за пятьдесят лет!» И действительно создал».

– Но это же гадство! – сказала Наста.

– Это не гадство! – начал закипать фон Крейн. – Он был гибким человеком с гибким мышлением. Не стоял перед стеной, бодая ее лбом, когда рядом есть дверь! Просто использовал возможности. Вот и мы пришли к ведьмарям не затем, чтобы служить какому-то там «зылу», а чтобы сделать что-то полезное для человечества и для самих себя! А думать иначе, дорогой мой дар природы, чистоплюйство!

Павел Тархов пока помалкивал. Попутно он хватал с подносов, которые носили официанты, всевозможные напитки и закуску. И, казалось, очень интересовался, можно ли и их превратить в топливо. И даже превращал, но пока что в пре-

делах собственного организма.

Рядом со свитой влюбленных берсерков уже в третий раз проходила Катя Грекова. Всякий раз она задорно косилась на Гамова, однако Гамов слишком хорошо знал все эти фокусы, чтобы верить капризным губкам, взглядам исподлобья и грудному голосу. Никогда не верь актрисам, да еще владеющим контактной магией! Когда Катя полюбит по-настоящему, она станет другой – смешной, нелепой, без всей этой хрипотцы и острых ноготочков. И шутить станет не смешно, и некстати раздражаться, и даже, возможно, подурнеет. Кстати, неплохо было бы влюбить ее в себя! Эта мысль показалась Гамову забавной. Он даже сделал небольшой шажок в ее сторону, но его остановил насмешливый взгляд умненькой Зю.

– Слушай, лучше изобретай свой смартфон! – посоветовал ей Гамов.

Зю хихикнула и опять принялась грызть чубук трубочки.

– Я знаю, где стоит машина, откуда берется вся эта еда! – сказала она, таинственно наклоняясь к Насте.

– Чего?

– Ну, еда, которую носят официанты! Они тут ерунду всякую таскают, оливки на шпажках, ветчину – а там их грузовичок стоит с кучей всего! Совершим на него набег?

Сегодня Наста еще не завтракала, а ведь был уже второй час дня.

– Ну что, вдовы, потопали! – уступила она.

Павел Тархов и Зю подхватили ее под руки и повели. Фон Крейн хмыкнул.

– Вдовы! Гм… А мне нравится! От дара природы слышу! – задиристо сказал он.

Гамов сердито, но вместе с тем по-дружески толкнул его плечом, и они пошли рядом.

Глава шестая. Заплата

Есть закон центробежной силы. Он разбрасывает людей в разные стороны. Чем выше скорость – тем дальше разбрасывает. Друзей детства, однокурсников, братьев, сестер, детей и родителей. Практически никого не остается. Единственный шанс остаться вместе – это срастись. Иметь что-то единое, целостное: совместную работу, совместный дом, единую точку нахождения в пространстве. Тогда нельзя друг друга бросить просто по закону выживания. Тут как на корабле. Я знаю, что капитан вспыльчив и крут, боцман пьяница, экипаж набран в ближайшем порту – но с корабля не убежишь. Поэтому надо стать одной командой. Увидел раненого – поднял. Увидел голодного – накормил.

Правда, вместе находиться трудно. Человеческие недостатки распределены очень причудливо. То, что у одного человека исправляется очень легко, у другого может потребовать десятков лет работы над собой. Мы легко перескакиваем через чужой огромный камень и тотчас с грохотом падаем, зацепившись за крошечную соломинку, которая лежит у нас на пути.

Йозеф Эметс, венгерский философ

Митяй ныряет несколько дней подряд. Возвращается уставший – и сразу валится на солому. Щеки его запали. Ли-

цо красное, опаленное, ресницы свернулись от жара. Поспит несколько часов, куснет хлеба, отхлебнет кваса – и опять на двушку. На вопросы отвечает односложно. Первошныры переглядываются: куда должен нырять Митяй, чтобы возвращаться таким измочаленным, да еще и пустым, без закладок?

Наконец Митяй возвращается веселым, но все таким же таинственным:

– Завтра полетим вместе! Кое-что вам покажу! Кика, Фаддей, Мокша, – вы со мной? И захватите корзину и веревки!

Фаддей немедленно интересуется, зачем. Митяй не объясняет, но настойчиво повторяет про корзину и веревки. Мокша счастлив, что Митяй позвал и его тоже. Значит, простил. Мокша чувствует вину, что пронес ту грибницу. Холм по-прежнему кипит так, что и к подножию едва сунешься. Выделяет земля жидкую сукровицу. Жухнет трава. Болотцем каким-то пованивает. Пеги принюхиваются, фыркают и начинают пятиться.

На другое утро они отправляются в нырок. Митяй, Кика и Фаддей сразу мчатся к тоннелю и исчезают. Мокша болтается в Межмирье, дышит гнильцой и с трудом сдерживает себя, чтобы не развернуть пега. Смотреть на тоннель страшно. Болото кипит. Цвет у него сизый, густой. Внутри, за стенками мертвого мира, точно волны слизи прокатываются.

Стрела ощущает нерешительность всадника и начинает замедляться. Еще немного – и они застрянут здесь, в дряблом пространстве. И назад вернуться не смогут – слабая тут для крыльев опора, и сквозь болото не прорвутся. Наконец Мокша решается. Натягивает на лицо тряпку и устремляется вслед за Фаддеем, Кикой и Митяем.

Тоннель кажется узким. Стенки облеплены тысячами копошащихся эльбов. Мокша прижимается к шее пега, дышит через вонючую тряпку и смотрит на сверкающие паутинки, которые эльбы успели натянуть. Крылья пегов, летевших здесь недавно, рассекли всю паутину – значит, эта свежая.

Когда Мокша выныривает из тоннеля, Митяй, Фаддей и Кика ждут его у упавшей сосны. Сосна так искривилась, что и вовсе ее из земли выворотило. Лежит сосна, держится на единственном корне, связывающем ее с землей, но както живет, пробиваются на стволе веточки, тянутся к гряде. Мокше кажется, что он сам похож на эту сосну. Тоже уже завалился, тоже корни торчат из земли – но ведь пускает его еще двушка!

Кика Златовласый скучает и дурачится. Пяти минут на двушке не пробыл, а уж засиделся, дитятко! Фаддей стоит рядом, позевывает. То живот почешет, то редкую рыжую бороденку. Мнет ее, нетерпеливо дергает из стороны в сторону, как мочалку. Ныряет Фаддей не часто, в седле сидит неуклюже, как мешок. Это, так сказать, далекий прароди-

тель Кузепыча, чего ни Кузепыч, ни сам Фаддей, разумеется, не знают.

– Видел, что с болотом творится? – спрашивает Фаддей у Митяя. – А что тебе говорит двушка? Объяснила она, отчего кипит болото?

Митяй морщится. Самые сокровенные, самые важные для него вещи, связанные с двушкой, он обсуждать ни с кем не любит. Они очень тонки, эти вещи, трудновыразимы и плохо заключаются в жесткие коробочки слов. Они как мелкие белые цветы, которые могут жить только при лунном свете сокровенной мысли.

– Разве она словами говорит? – неохотно отзывается Митяй и вскакивает в седло. За ним, прямо с лежащей сосны, ловко, как кошка, в свое седло сигает Кика. Фаддей забирается на коня медленно, ответственно. Проверяет подпруги, пыхтит, долго ловит ногой стремя. Кика, окончательно утративший терпение, на горячем жеребце носится вокруг, пугает смирную кобылку Фаддея.

Летят они долго. Вначале до Пяти Пальцев. Так называют озеро с пятью заросшими протоками, напоминающими руку. Здесь купают пегов и купаются сами, причем Мокша и Фаддей забираются в воду в одежде. Кика ложится на берегу и, опустив голову в воду, пьет. Ему интересно – можно ли пить под водой. То есть не наклонившись над водой, а именно если вся голова в воде. Можно так пить или нет?

От Пяти Пальцев направляются к Каменному Языку, ко-

торый выступает от Первой гряды в сторону Межгрядья. На Каменном Языке любят отдыхать летающие растения. Сидят на таких отвесах, где, кажется, и мухе не удержаться. Запускают корни в трещины, ищут капельки воды. Два молодых растения вплетаются Кике в распущенные волосы, и он становится похож на лесного божка.

Дальше летят над Межгрядьем. Митяй держится впереди. Нетерпеливый Кика то и дело вырывается вперед, но поневоле возвращается, потому что не знает дороги. Мокше мучительно хочется ожечь его между лопаток плетью. ПОЧЕМУ КИКУ, ЭТОГО СКОМОРОХА, ДВУШКА ПУСКАЕТ? Кика даже не потный, разве что испарина на висках, а сам Мокша взмок так, что мысли плавятся и остаются только зависть и бесконечно повторяющийся, сливающийся в бесконечную цепочку вопрос «Почемупочемупочему?».

Фаддей летит рядом с Мокшей, не отрывается, даже чуть приотстает. Кобылка Фаддея притомилась. Еще бы – такую тушу тащит. Минуты тянутся бесконечно. Вторая гряда дразнит. Летишь к ней, черпаешь небо крыльями пега – а гряда и не думает приближаться. Затягивается белыми тучками, пуржит рябью летающих растений.

Наконец они добираются до горы, отколотой от Второй гряды гигантским трезубцем. Стреноживают пегов. Мокша сразу бросается к огромным листьям, наполненным водой. Пить! Пить! Разноцветные легкие рыбки, которых он спугнул, взвиваются в воздух, прыгают в чаши других листьев.

Фаддей окунает голову в одну из чаш. Фыркает, отплевывает забившуюся в рот рыбку. Кика носится туда-сюда, задевает чаши, хохочет. Митяй уже поднимается в гору. За ним спешит Мокша. Из-под его ног осыпаются мелкие камни. Поначалу он опережает Кику и Фаддея, но вскоре начинает задыхаться, часто останавливаться и жадно выискивать глазами, нет ли где еще листа с водой.

Они поднимаются до расселины в скале. Митяй опускается на четвереньки и ползет. Мокша ползет следом, часто врезаясь в Митяя лбом. Хочется распластаться и не двигаться, но за спиной у Мокши неутомимо пыхтит Фаддей.

Наконец становится светлее. Митяй приподнимается на локтях, на что-то показывает. В трещине соприкоснувшихся гор – тайное озеро, скрытое дымкой розового тумана. Скользят в тумане быстрые тени. Не крыльями только летят, а всем телом – и шеей, и гибким хвостом. Пег бы в расселине крылья давно изломал, крылатые же змеи обтекают скалы. Ныряют. Взлетают. Крики у них резкие, чем-то напоминающие крики чаек.

Кика и Фаддей у озера впервые. Это Мокша с Митяем уже были здесь прежде. Фаддей восхищаться не умеет. Сразу начинает смекать, что к чему можно приспособить. Его маленькие глазки деловито изучают драконов, озеро, склоны. Кика же и вовсе созерцать не умеет. Ему надо все потрогать. Он как улитка. Все думают, что у улитки усики, которыми она шевелит, а у нее это глазки. Вот и у Кики

глазки на ручках. Если не потрогает – все равно как и не смотрел. Кика давно бы уже сиганул в расщелину, не придерживай его Митяй.

– Разобьешься!

– Не разобьюсь! Я ему на спину сигану! – страстно мычит Кика.

– Кому?

– Змею крылатому! Пусти!

Фаддей неспешно подползает и всей тушей наваливается Кике на спину. Даже не пытается держать, просто лежит на нем, как тюлень. Кика и шевельнуться под его тяжестью не может.

– Дурацкое дело не хитрое! Сиганешь! – обещает Фаддей. – Охолони слегка – и сразу сиганешь!

Постепенно Кика успокаивается. Фаддей с Митяем негромко переговариваются, порой свешивая головы и разглядывая что-то на склоне. Там, где крылатые змеи, линяя, трутся о скалы, за десятилетия скопилось великое множество сброшенных кож. Сверху не разглядеть, какой они сохранности, но Фаддей и Митяй уже прикинули, что бросать такое богатство на двушке не стоит. Может, получится делать из них седла или одежду? Потому и велел Митяй захватить с собой корзины.

Начинают готовиться к спуску. Связывают между собой веревки. Мокша с Фаддеем остаются наверху. Митяй с Кикой спускаются. Корзину Кика нахлобучил себе на голову,

а за веревку едва держится.

Крылатые змеи с резкими криками проносятся над озером. На Митяя и Кику внимания не обращают. Изредка то один, то другой змей выпускает струю пламени. Пламя очень разное – есть боевое, горячее, а есть вполне себе мирное. Вон та изящная, недавно полинявшая самочка выдыхает пламя кокетливо и тонко, щекоча им преследующего ее поклонника, не прогоняет, а скорее дразнит. А вон той грузной сварливой змеихе ее ухажер не нравится. Она шпарит его коротким, нутряным пламенем, целя по уязвимым крыльям, и очень быстро загоняет беднягу в озеро.

Митяй и Кика начинают наполнять корзину змеиными кожами. Берут с разбором. Есть свежие, а есть давно высохшие. Линяют крылатые змеи не как ужи и гадюки, а, скорее, как ящерицы, отдельными пластами, помогая себе зубами и все время смачиваясь в озере. С хвостов они скусывают кожу быстро, а вот к мордам она присыхает, и приходится отмокать в озере и тереться о камни.

Митяй и Кика возятся долго. Перекладывают кожи так, чтобы побольше влезло. Фаддей непрерывно ворчит, что они все делают неправильно, и тоже порывается спуститься, но высота и веревка с узлами его страшат.

Мокша все внимание сосредотачивает на крылатых змеях. С ними творится что-то странное. То они летали разрозненно, каждый сам по себе, а теперь, охваченные единым порывом, собираются над водой, смыкаясь в кольца.

Колец два – большое и маленькое. Во внешнем кольце – десятка полтора змеев, во внутреннем – семь. Змеи летят навстречу друг другу, отчего кажется, будто одно колесо посредством невидимой шестерни вертит другое.

Мокша сверху смотрит на живые колеса, и у него начинает кружиться голова. Колеса разрастаются. Все новые и новые змеи примыкают к кольцам. В основном к внешнему, но и во внутреннем их становится больше. Вот присоединяется к внешнему кольцу сердитая самка, загнавшая в озеро самца, а вот и легкая молоденькая змеиха ловко ныряет в центр кольца, и кольцо раздвигается, пропуская ее. Пламя, которое непрерывно выдыхают змеи, образует колодец.

Веревка, которую Мокша должен держать и про которую он давно забыл, дергается. Над краем скалы показывается голова Кики. На щеках у него красные пятна, ладони стерты веревкой. Еще бы – сколько карабкаться пришлось.

– А тащить корзину… кто… будет? Орали им, орали, а они как глухие! Мне Митяй нерпь свою отдал… пришлось на двух львах вылезать! – набрасывается Кика на Мокшу и Фаддея.

Те спохватываются и начинают тянуть веревку. Выволакивают корзину. Корзина цепляет камни. Она очень тяжелая. Нести ее придется вдвоем и потом еще решать, как навьючить кожи на пегов.

Фаддей щупает кожи пальцами, пробует на зуб, нюхает и ворчит – он вечно ворчит и вечно всем недоволен. Сделай

его царем или дай ему мешок золота, он и тут разворчится, что трон не такой, а золото надо было прикопать в лесочке, а не тащить у всех на глазах. Но Мокша уже достаточно изучил Фаддея, чтобы знать все оттенки его ворчания. Это ворчание счастливое. Кожами Фаддей доволен, хотя, конечно, со множеством оговорок. Иначе у хорошего мастера никогда не бывает.

Ту кожу, что сброшена недавно, по мнению Фаддея, можно пускать на сапоги и ремни. Эластичная она, для всякой работы подойдет. А вот старая кожа погрубее, потолще. От нее, пожалуй, и стрела отскочит, особенно если на излете. Смягчать ее надо только, а то ссыхается быстро. Ну да способов смягчить кожу много – яичным белком, свиным салом, льняным маслом. Все они Фаддею хорошо известны.

Мокша все смотрит на крылатых змеев. Те, что внутри круга, продолжают выдыхать пламя. В центре уже все кипит и алеет, словно металл плавится в горне. Митяй ложится рядом с Мокшей и глядит туда же, куда и он. Припухлости по краям бровей Митяя сдвигаются, соприкасаясь.

– Беспокоятся они! – говорит Мокша. – Мы их переполошили! Как бы не кинулись!

Митяй надувает щеки и медленно выпускает воздух, будто помогая драконам дуть.

– Нет! – загадочно отзывается он. – Тут другое…

В подтверждение его слов из воды стремительно вырыва-

ются три недавно полинявших змея, набирают высоту и кидаются в кипящий центр круга. Не успевает Мокша издать восклицание, как змеи появляются опять. Их кожа разогрета от жара, а крылья сияют. Змеи бросаются в зашипевшую воду, остужаются и опять бросаются в центр круга. И так раз за разом. Длинные блестящие тела змеев сливаются, отчего кажется, будто сверкающая игла штопает в рубахе прореху. Сияние внутри круга постепенно выцветает, хотя порой вспыхивает, как остывающие угли. А змеи все бросаются в почти погасший круг, и кожа их уже так не разогревается, как в самый первый раз. Порой они даже и не ныряют в озеро, чтобы остудиться, а просто проносятся над ним.

Митяй хватает Мокшу за руку.

– Ты понял? – радостно восклицает он.

– Что понял?

– Змеи – штопальщики миров! Как только где-то возникает дыра, они начинают летать туда-сюда и восстанавливают стенки мира! Теперь вот от твоего гриба они прореху штопают! Не первый уж день! Они заштопают, а она опять расползется!

– Ты уверен? – ошеломленно произносит Мокша.

– А я-то думаю: как змеи из мира в мир носятся? Да еще болото у них на пути! Может, они по краям мира проходят, где болото сдулось? Да нет, поди угадай, где оно есть, а где нет! А теперь вижу, что тут все дело в огне. Не просто

так они огнем дышали: стенку мира плавили. Стенка мира остыла, мир замкнулся – и все! Амбар на замке!

– А сами драконы как на ту сторону ныряют? – пытается представить Мокша.

– Так и ныряют. Иголка ведь тоже сквозь ткань проходит, а ткань не рвет! Только крепче ее делает, потому что за иглой нить тянется! Где болото прорвется – там крылатые змеи стенку восстановят. А к своему огню они привычные.

Мокша кусает губы, соображая.

– Значит, дыры на холме больше нет? – с надеждой спрашивает он.

– Есть. Они все заделали, да грибница-то в земле осталась. Но драконы пока справляются! А как уж дальше будет – не знаю.

Сияние внутри круга погасает. Летающие колеса замедляются и распадаются. Доносятся резкий клекот, шипение. Сверкают струи холодного и горячего огня. Все просто, прекрасно и вечно.

– Значит, через этот круг можно попасть в наш мир? – пытается сообразить Мокша.

Митяй кивает:

– Можно. Хотя огонь штука нешуточная! Это как в металл кипящий нырять. Нырнуть-то сможешь, а вот вынырнуть…

– И обратно из нашего мира сюда можно?

– Да кто ж тебе скажет? Если к змею прицепиться посильнее, то, может, и да. Но тш-ш! – а то Кику вязать придется.

Для Митяя это так ясно, что не требует доказательств. У него все просто. Объясни ему, что солнце можно черпать ложкой – он и будет его черпать. И Фаддей, довольно почесывающий жесткую рыжую бородку, будет. Хотя Фаддей, пожалуй, потребует запасную ложку и начерпает солнца про запас.

Зрение у Мокши острое. Он видит, что там, где крылатые змеи разомкнули внутренний круг, мир замутненный. Повсюду нормальный, а здесь точно сквозь бычий пузырь глядишь. И края алые. Пробивается что-то, клокочет. Наброшен на огонь волшебный платок.

– Видишь? – шепчет Мокша. – Чего там такое?

Митяй всматривается.

– А-а! – тянет он. – Ясно! Это вот она и есть!

– Что за «она»?

Митяй задирает рукав. На сгибе у него большая красная заплата. Пришивал явно сам. Местами стежки спешат, а местами идут тесно и мелко.

– Заплата! – объясняет Митяй. – Рубаху-то я зашил, да заплату не спрячешь! Вот и здесь: наложили змеи заплату, а шрам на мире остался.

– А когда змей просто ныряет через стенку мира, не штопая, тогда тоже шрам? – интересуется Мокша.

– Едва ли! Тут же их много летало, да еще и с огнем. А когда один – это как иголкой в руку ткнуть: не будет шрама. Ну, может, точка какая.

Мокша торопливо соображает. Недодуманная мысль звенит над ухом будто комар:

– А если заплата… оторвется?

– Оторвется – так змеи крылатые опять заштопают. Не впервой им! Вишь, оно как!

Но Мокшу уже волнует другое.

– Седло! – шепчет он. – Митяй, помнишь уникум, который ты отлил? Вот бы приручить крылатых змеев! Ну, как пегов?

Валики кожи сурово сдвигаются на лбу у Митяя. Все, что велит ему двушка, он выполняет без рассуждений. Сказано не трогать – не трогаем. Велели искать именно эту закладку, а не другую – ищем именно эту. Здесь же разрешения двушки нет, оттого он и хмурится. Мокшу же такое слепое повиновение не устраивает. Он вечно принимается рассуждать. Отчего нельзя? Правильно ли это, что нельзя? Может быть, немножечко все-таки можно? А что нам сделает двушка, если нарушим?

– Нет! – отрезает Митяй. – Я жалею, что вообще это седло сделал! Руки бы мне оторвать! Дала нам двушка пегов – вот и будем нырять на пегах!

– Но почему?! – стонет Мокша. – Через болото нырять трудно! Межмирье, потом тоннель, потом летишь еще ку-

чу времени. А тут совсем просто! Раз – и сразу в Межгрядье! Каких бы закладок мы отсюда ни принесли! Может, и за Вторую гряду смогли бы нырять!

Сказав это, Мокша осекается. Лицо Митяя делается упрямым. Таким Мокша редко когда его видел.

– Нет, – повторяет Митяй. – Нет значит нет. И все. Окончен разговор.

– Ну почему? Скажи: по-че-му? – чуть не плачет Мокша.

– А без почему! Просто нельзя! Раз двушка не разрешила – значит, точка! Один раз взяли уже… яблоко…

Мокшу такой ответ не устраивает. Ему мучительно хочется оказаться на спине у крылатого змея. Он даже представил, какое сделает себе седло. Узкое, полулежачее, сильно накрененное вперед. Другое для змея не подойдет. А он, Мокша, будет носиться туда-сюда и проносить в наш мир закладки – не те, за которыми посылают, а те, что действительно нужны нашему миру, чтобы он стал мудрее, добрее.

– Так это ведь не яблоко! Это совсем другое! – молит Мокша.

– Перестань! – обрывает его Митяй. – Только что чудо тебе показали, дыру, которую ты сделал, заштопали – а у тебя радости никакой! Тебя за Вторую гряду пусти – так ты и там… Эй, Мокша, чего с тобой? Ты меня слышишь? – Митяй замолкает. Пристально всматривается в Мокшу. Лицо его из сурового становится сопереживающим. – Слу-

шай, да ты совсем сварился, а еще назад добираться!.. Фаддей, Кика! Берем кожи! Пора возвращаться!

Обратный путь Мокша запоминает плохо. Он куда-то ползет, мычит, размахивает руками. Его поддерживают под руки, тащат. Потом вдруг становится прохладно и свежо. Его окунают в озеро. Он жадно глотает воду, до тех пор глотает, пока не начинает казаться, что в животе у него перекатывается холодный тяжелый шар. Наконец Мокшу дотаскивают до пега и привязывают к седлу.

Мокша вяло лежит на шее у Стрелы, слишком слабый, чтобы что-то хотеть и чему-то удивляться. Перед глазами у него крылатый змей. Глупо! Все очень глупо! К чему лететь через тоннель, когда существуют крылатые змеи?!

Глава седьмая. Грибница

В сущности, все, что делает каждый без исключения человек – и не только человек, а лягушка, цветок, птица, зверь, вообще все живое, – это кричит: «Я здесь! Я существую! Любите меня хоть кто-нибудь!»
ВВР (внутренние воображалки Рины)

Гай растопил камин и стоял у огня, подбрасывая поленья. Подкармливаемый огонь поначалу вел себя как трусливая собачка – пугался, затихал и отбегал от каждого нового полена в сторону, но вскоре раздухарился и только покрякивал, проглатывая дрова.

– Значит, серые скрученные штуки, похожие на канаты, – это просто гриб с *двушки*? – спросил Белдо.

– Грибница! – уточнил Гай. – Отдельный гриб для грибницы – это тьфу. Вы вообще представляете себе размеры грибниц, Лев? Опенок темный, например. Размер грибницы – шестьсот гектаров, вес – десятки тонн, возраст – до десяти тысяч лет. А эта грибница с *двушки*! В толще земли она похожа на огромную дорогу, сплетенную из толстых канатов.

– Дорога, ведущая на *двушку*! – произнес Белдо мечтательно.

Гай дернул головой так резко, что один глаз замешкался на щеке.

– Да, – сказал он. – Грибница обладает достаточной плотностью, чтобы пронизывать границы миров. И, да – в разрывы подтекает болото. На *двушке* подтеки пожираются слизнями и плесенью. А вот у нас нет ни того ни другого…

– Получается, что грибница растет через *болото*! – сказал Белдо.

Гай дернул острым плечом:

– Какой ужас! И что сделает *болото* грибу с *двушки*? Будет соблазнять его видениями?

– И вы всегда знали, что грибница тянется через *болото* на *двушку*? – спросила Лиана.

– Всегда – понятие растяжимое. Да, я догадывался, что она может тянуться на *двушку*. Но эта дорога не усеяна лепестками роз. Или я должен был продираться сквозь толщу вязких гранитов, дальше плыть через задохнувшийся мир и барабанить лбом в стенку *двушки*? Нет уж – дамы, вперед!

Лиана прикусила язычок.

– Несколько веков я почти не вспоминал про свою старую землянку, – продолжал Гай. – Но как-то снова оказался в этих краях. Днем мне показалось, что все в порядке, даже трава опять выросла, но ночью я заметил алое свечение. Холм то опускался, то поднимался. Земля дышала. Сияние пробивалось из множества трещин. Они опоясывали холм, и я не сомневался, что скоро он провалится. Вскоре мы построили здесь укрепление, а потом постоянно его перестраивали, но уже тогда было понятно, что это пластырь на вечно

сочащейся ране.

– Это да. Долбим тоннели, да только грибница во все стороны тянется, не уследишь, – посетовал Секач. – Конечно, латку можно ставить прямо на латку, но только в том случае, если первой латке есть к чему прицепиться! А здесь мы штопаем пакет леской, а она вырывает куски пакета.

Гай протянул руки к огню:

– Благодарю вас, Лев! Вы очень ясно обрисовали проблему! Я думаю, что нам следует позволить холму провалиться.

Лев Секач недоверчиво уставился на Гая. Его массивный подбородок подался вперед.

– Я все эти годы тут служил. Долбил шахту за шахтой. Если оторвать заплатку – все, мы эльбов уже не остановим! – с усилием, точно пальцем вдавливал в стену гвоздь, произнес он.

– А вы что думаете, Дионисий? – Гай повернулся к главе магического форта.

Дионисий Тигранович зачмокал губками:

– Ну… э-э… эльбы, безусловно, наши друзья. Они нас опекают, но если мы отдадим им наш мир… Если богатая бабушка перепишет внукам наследство слишком рано… не возникнет ли… э-э… ситуации… – Последние слова Белдо проговорил едва слышно, сопроводив их виноватой улыбочкой.

– Ясно, Дионисий! Одним словом, вы сомневаетесь! А вы, Лиана? Ваше мнение? – Глаза Гая сузились, зато рот растя-

нулся и напоминал щель почтового ящика.

– Согласна с предыдущим оратором. Когда нефтяные скважины захвачены, за нефть обычно перестают платить. Максимум дают холерные одеяла, просроченные консервы или что-нибудь в этом духе, – кратко ответила Лиана.

– Ответ, достойный главы финансового форта! – одобрил Гай. – Что ж… Вас я выслушал! А теперь мое мнение. Если заплатку отодрать, *болото*, конечно, хлынет к нам. Но зашевелятся и драконы, штопающие миры.

– И залатают дыру? – недоверчиво спросил Белдо и тотчас, чтобы Гай не обиделся, сделал извиняющееся движение шейкой.

– Все живые существа созданы *двушкой* для чего-то определенного! Не тогда, когда ими руководят обычные инстинкты, заставляющие делить корм или ссориться из-за самок, а когда они охвачены единым порывом! Когда они слышат единый призывающий звук, все здоровые души откликаются на него! Даже у людей так бывает, когда они, жертвуя собой, идут в атаку или охвачены состраданием. Вторую гряду сравнивают с ангелом с огненным мечом, который преграждает путь в райский сад! А мы сразу окажемся у него за спиной!

– Заштопают, думаете? – повторил Белдо.

– Ликвидировать такой большой прорыв даже им будет непросто. Поэтому драконов соберется множество. А когда драконы окажутся здесь, я получу над ними власть. Они проложат нам дорогу за Вторую гряду! Альберт, бедный идеа-

лист, всю жизнь честно считавший себя циником, сварился в Межгрядье, а мы окажемся в райском саду!

Гай искоса взглянул на Секача. Тот выглядел озадаченным, как человек, которому впаривают нечто сильно замороченное. Секач жил в конкретном мире. Решал конкретные задачи с конкретными людьми, укреплял, бетонировал, выжигал, возвращался вечером к жене и детям в хороший коттедж. А тут гряда какая-то, рай и ангел с мечом! Да не хотел Секач ни к какому ангелу за спину! Ему и здесь было хорошо. Белдо тоже сильно нервничал. Поглядывал на Лиану, на Гая, грыз ногти.

– Да-да-да… Центр *двушки* – это как центр клетки! Если вирус проникнет сквозь оболочку клетки – то все, он уже в раю! Клетке больше нечем от него защищаться! – сам себе нежно объяснил Дионисий Тигранович и, отчего-то заволновавшись, спросил: – А драконы действительно будут нам повиноваться?

Гай поднялся. Вроде бы и не подал Арно никакого знака, но тот гибко придвинулся к столу и жестом фокусника открыл пластиковый контейнер. Из контейнера выбралась неповоротливая, крепкая с виду ящерица.

– Гаттерия – последняя рептилия древнего отряда клювоголовых! – представил Гай. – Обитает в Новой Зеландии! Современница динозавров. Вид уникальный, находится на перекрестке творения! Строение черепа как у птицы. Уши как у черепахи. Мозг амфибии. Кроме того, имеется третий

глаз. Расположен в верхней части черепа и похож на чешуеобразный нарост.

– Какая прелесть! – воскликнул Белдо, однако трогать рептилию не стал и убрал руки за спину.

– Да, прелесть! Дышит раз в минуту. Сердце бьется пять раз в минуту. Детеныши рождаются меньше скрепки. Зрелости достигают только к двадцати годам, зато живут по двести лет.

– Если им дадут состариться… – задумчиво сказала Лиана.

– Браво, Лиана! Вот он, финансовый форт! Сразу ухватила суть! – одобрил Гай. – Дни гаттерий, увы, сочтены. Слишком мало детенышей, слишком поздно начинают размножаться, слишком медленно растут. В результате в Новой Зеландии гаттерии почти полностью истреблены крысами. Остались лишь на островах, куда крысы пока не добрались. Но это вопрос времени. Невозможно обыскать каждую рыбачью лодку.

– А красотка-то наша похожа на дракона с *двушки*! Только без крыльев! – прозорливо сказал Дионисий Тигранович.

Гай поощрил его кивком. Легко приподнял и придвинул к камину массивный стол. Один из углов стола нависал над пламенем, облизывающим его снизу. Рептилия, потревоженная жаром, отползла в сторону. Гай осторожно, словно приглашая, подтолкнул ее пальцем к огню. Гаттерия отодвинулась и задышала чуть чаще. Раза так два-три в минуту. Вол-

новалась.

– В огонь, как видите, не лезет! – сказал Гай. – А взгляните теперь! – Он быстро переложил что-то из руки в руку и снова коснулся пальцем гаттерии. Гаттерия вздрогнула, вскинула морду. Складка кожи на ее шее задрожала. – Ну! – поторопил Гай. Гаттерия зашлепала к краю стола. Близость огня смутила ее. На несколько секунд она словно засомневалась, а потом, неуклюже оттолкнувшись и задев хвостом столешницу, бросилась в огонь.

Лиана вскрикнула и отвернулась.

– Как вы это сделали? Как преодолели ее инстинкт самосохранения? – спросил Белдо.

Гай протянул руку и разжал пальцы. На ладони у него лежало маленькое седло с высокой задней лукой.

– Вот! – сказал он. – Повелеваешь одним существом – повелеваешь всем видом! Таково свойство *седла*! Митяй был так чист, что не подумал, что его уникумы могут оказаться не в тех руках.

– Например, *гепард* – у дочери Долбушина… – сказал Белдо.

Глаза Гая сдвинулись, нарушив пропорции лица. Сегодня он мало следил за мимикой.

– С *гепардом* не все так просто! Пока *гепард* был у меня, я, сливаясь сознанием с уличной кошкой, приказывал ей: «На, возьми рыбу!» – а кошка или шипела, или вцеплялась мне в руку. Когда же я кормил кошку без *гепарда*, проблем не воз-

никало. С *седлом* все иначе. Я приказал гаттерии прыгнуть в огонь – и она прыгнула, не пытаясь заглянуть мне в душу. А с *гепардом* мне пришлось бы прыгать в камин вместе с этой рептилией – так сильно мы были бы соединены с ней.

– Кажется, в ШНыре где-то был один дракон, – вкрадчиво сказал Белдо и отвел глазки.

– Дионисий! – сказал Гай. – У вас, милый мой, замашки провокатора!

Дионисий Тигранович довольно захихикал.

– Да, дракон в ШНыре имеется! – продолжал Гай. – Окажись он у меня, возможно, я сумел бы провернуть такую же штуку, как с гаттерией. Но на остальных драконов это никак не повлияло бы. Они слишком далеко. Вы же не считаете, что все гаттерии мира сейчас побежали искать камины?

– Значит, тупик? – спросил Белдо так же вкрадчиво.

– При таком раскладе – да. Вот если бы в проеденном грибницей тоннеле в момент возникновения прорыва оказались бы Наста и Рузя с дракончиком – тогда дело другое… Я не смогу сразу повлиять на сотни мелькающих туда-сюда драконов. Мне нужна проекция влияния – допустим, через этого малыша.

– А Рузя вам зачем? – спросила Лиана. – Хранитель же дракона Наста!

– Хранитель Наста, а кормитель Рузя. Лучше уж пусть будут вдвоем!.. Арно, карту!

Арно разложил на столе карту. Карта выглядела старой.

Секач вперился в нее. Тоннели на разных глубинах были обозначены карандашами разных цветов. Вначале Секач смотрел с недоверием, но внезапно что-то разглядел, и глаза у него зажглись:

– Откуда у вас это?

– От одного бывшего шныра. Перебежал ко мне полвека назад. Пропадал под землей неделями. Возможность нырять он утратил, но мечтал найти подземный проход на *двушку*. Разумеется, я всячески это поощрял. А что, Лев, разве для вас тут что-то новое?

Секач пальцем указал на центральную часть карты:

– Тут все сильно изменилось! Пришлось продалбливаться глубже. Пытались обогнать грибницу, но только ей помогли. Не стоило выжигать ее кислотой. – Он засопел и опять вперился в схему. – Сюда, – Секач отчеркнул большой участок, тоже в центре, – мы вообще предпочитаем не соваться. Потеряли кучу людей, эльбы тут совсем озверелые. Зато вся эта часть мне очень интересна! Сюда мы никогда и не лезли особо. Получается, что тоннель выводит к Наумову и дальше практически к ШНыру!.. А что стало с тем пареньком?

– Однажды он просто не вернулся, – ответил Гай.

– Может, нашел, что искал? – Лицо Лианы погрустнело. Она явно подумала о Долбушине.

– Это вряд ли… – жестко сказал Гай. – Зато за карту я ему благодарен! Взгляните, Лев: что вы скажете про этот участок? – Он ткнул пальцем в ту часть карты, о которой Се-

кач сказал, что эльбы здесь совсем озверелые. На карте был очерчен маленький круг, похожий на срез колонны при виде сверху.

– Скверное место. Туда толком и не пробьешься! Просто каменный зуб какой-то! – отозвался Секач.

Гай внимательно взглянул на Секача. Но нет, слова «каменный зуб» тот, кажется, употребил случайно.

– Это самый первый шов! Место, где драконы ныряли многократно. Именно сюда мы и отправим тщательно подобранный отряд. Граница мира прорвется, драконы прилетят спасать наш мир, а дальше в ход пойдет *седло*!..

– И кто будет в этом отряде? Берсерки из штрафбата? – пасмурно спросил Секач.

– Не только. Без шныров нам не обойтись! Ул, Родион… Сухан пригодится, старина Боброк… Наста с драконом, Рузя! – Гай махнул рукой, показывая, что полный список он еще не продумал.

– Шныры не пожелают с нами сотрудничать! – заявила Лиана.

Гай смахнул с карты насыпавшуюся с потолка деревянную труху.

– «Не пожелают»! – передразнил он. – Что такое человеческое желание, как не вечный выбор либо из двух зол меньшего, либо из двух благ большего? Вот вас спрашивают, Лиана: «Что вам дать? Ящик просроченных консервов или золотой слиток?» В обычных условиях вы выберете золотой слиток,

а в условиях голода на необитаемом острове – консервы. Я повлиял на ваш выбор? Ничуть! Но я его предугадал. Так и со шнырами. Выбор они сделают сами. Ну а мы просто создадим правильные условия для правильного выбора!

* * *

Белдо всегда верно улавливал моменты, когда люди становятся друг другу в тягость, и умел их разрядить. Вот и сейчас, едва повисло тревожное молчание, он забегал, заблеял и вдруг сказал:

– А ведь у нас тут Насточка! Женечка познакомил ее с молодыми людьми из своей компании. Такие чудные, такие протестные котики! Чуть на них не так взглянешь – они сразу фырк! Фырк! – Он махнул сверху вниз ручкой, точно протирая зеркало, и перед ними появилась Наста. Разместившись в открытом кузове грузовичка, она прямо из коробки жадно поедала пиццу. Зю сидела на кабине джипа и грызла чубук трубки.

Юрий фон Крейн бродил вдоль грузовичка и размахивал куриной ножкой.

– Все друг друга жрут – это аксиома! Самое сложное – существовать в мире пересекающихся интересов и оставаться при этом человеком! – вещал он.

– Хватит чирикать, вдова! Вон у тебя курица улетела! – дружелюбно сказала ему Наста.

Фон Крейн тупо уставился на куриную ножку. Он и не заметил, что мякоть с нее давно слетела и осталась одна косточка.

– Какая милая девушка! Как она его отбрила! Молодец Женечка, что их познакомил! – Белдо даже зажмурился от удовольствия. Он пребывал в полном восхищении.

– И зачем нам эта девушка? – Лев Секач, как человек серьезный, не любил заниматься ерундой.

– По некогда озвученной версии, это вероятная мать будущего Гая, – едко сказала Лиана.

Дионисий Тигранович затаился. Даже Секач и тот явно напрягся.

– А? Чего? – спросил он, скашивая глаза.

Лицо Гая сжалось, как резиновая игрушка.

– Будущего меня… – повторил он с непонятной интонацией.

– Прошу прощения, если задела чьи-то чувства! – продолжала Лиана. – Если угодно, назовем это «мать особого ребенка, имеющего особую плотность и способного нырять на *двушку*». Далее сплошные копирайты Дионисия Тиграновича, от меня же только математический анализ. У сегодняшних шныров, если верить пророчеству, будет трое детей. Ребенок Яры, который УЖЕ есть. Ребенок Рины, которого ЕЩЕ нет. И ребенок Насты, которого тоже ЕЩЕ нет… Из этих детей один, возможно, станет Гаем, другой Митяем. С большей вероятностью, Гаем сделается ребенок Насты, ес-

ли его отцом будет Гамов.

– Ах, Лианочка! Ну почему же «если»? – счастливо проворковал Белдо. – Уже никакое не «если»!

– Она ждет ребенка? – резко спросил Гай.

– Я доверяю Младочке и Владочке. Страшные ведьмищи, но никогда не ошибаются! Сквозь бетон видят! – Дионисий Тигранович скрестил пальчики и отодвинулся, показывая всю степень своего суеверного ужаса перед ведьмищами.

– Почему вы не сказали раньше?

– Я сам узнал только сегодня. Млада и Влада впервые увидели Насту вблизи… Ну а дальше вся эта их магия! Уверен, Наста сама еще ничего не знает.

Гай отвернулся от Белдо, и тот, сразу перестав кудахтать, замолчал.

– И зачем нам эти личинки? – спросила Лиана. – Ну, по большому счету?

– Вы слышали легенду, что каждого человека ждет на *двушке* уникальная закладка? Только его закладка, которая даст ему неведомые силы, каких не дала бы ни одна другая, и одарит его всей полнотой физической, душевной и духовной красоты? – спросил Гай.

– Почему легенда? Разве это не правда? – удивилась Лиана.

– Правда, Лианочка! – пропел Белдо, и на его маленьком личике кротость смешалась с невероятной злобой. Верхняя губа отползла. Заблестели зубки. – Но, увы, возможно, ува-

жаемый Гай забыл другие слова, которыми некто сообщал, что кто же доверит нам наше, пока мы не научились распоряжаться чужим? Я, разумеется, несколько перевираю цитату, но суть именно такая!

– Да, – сказал Гай. – Я прекрасно помню и эти слова тоже. Но я часто думаю о своей закладке. О той, что на *двушке*. Размышляю, каким могло быть это МОЕ, если все, что в нашем мире, не стоит этого МОЕГО? И не поспешил ли я, когда отказался от своей закладки ради множества чужих? А ведь Митяй получил СВОЮ закладку. Даже Фаддей и Кика получили СВОИ! Какими они теперь стали?

– Ну и шут с ними! Я лично и без своей закладки не сильно страдаю, – равнодушно отозвался Секач.

– Вы-то, Лев, конечно нет! Но ведь и кошка не страдает, что не умеет управлять автомобилем, – мягко сказал Гай. – Мы все еще можем получить наши закладки! Они по-прежнему ждут нас на *двушке*, никто их не уничтожал. Какой-нибудь белемнит, панцирь улитки, живой плод с летающего дерева… Не знаю уж что!

– На *двушке* миллиарды разных предметов, – заметила Лиана. – Даже если вы кого-то пошлете – какого-нибудь колеблющегося шныра, готового оказать вам услугу, – как он найдет именно вашу закладку?

– Весь вопрос в том, КОГО послать, – сказал Гай. – Вот для этого нам и нужны эти дети. Они сумеют отыскать любую закладку и принести ее нам. Поди туда, не знаю куда,

принеси то, не знаю что!

– А это не опасно? – Дионисий Тигранович быстро высунул и спрятал язычок, умильным выражением личика смягчая возможный гнев Гая.

– Про «не опасно» – это очень важный вопрос, – сказал Гай. – Заметьте, Дионисий, что во всякой жизненной ситуации он всегда волнует людей больше прочих. Еще есть второй главный вопрос: «Почему все не так, как я хочу?»

Белдо опять высунул язычок:

– Так не опасно получать свою закладку преждевременно? Все равно что малышу пяти лет подарить спортивную машину, для которой он еще не дозрел.

– Не *двушке* решать, что мне получать и когда, особенно если это предназначалось для меня! Я сумею этим распорядиться! – отрезал Гай и крупными шагами заходил по комнате. Изредка он врезался коленями в стол, но не морщился от боли. Вместо него морщились Белдо и Арно.

– Я вот что подумала, – сказала Лиана. – Кто у нас получил свою закладку здесь и сейчас? Кажется, Даня из ШНыра? Невероятное стечение обстоятельств. Мальчик до сих пор в ШНыре. Вроде бы закладка не сильно ему повредила. Так что рискнуть, конечно, можно.

– Пока все складывается! – сказал Гай. – Если Млада и Влада не ошиблись, ребенок Насты УЖЕ существует! Правда, все дети, даже ребенок Яры, еще совсем крошечные. Сколько времени пройдет, пока они подрастут… Так что ос-

новная ставка у нас на вариант с драконами. Для этого нужно, чтобы Наста вернулась в ШНыр к своему Гастрафету!

– А если она не захочет? Или Гамов не отпустит? – уточнила Лиана.

Гай сдвинул брови:

– Что значит «не захочет»? Дионисий!

Белдо взглянул на завесу. Наста, громко хохоча, дружески колотила по плечам Павла Тархова и Зю. Гамов наблюдал за Настой искоса и с некоторой тревогой. Он явно жалел, что познакомил Насту с «позитивной гвардией». Наста, как всегда, отдавалась всякому новому делу со слишком большой горячностью. Разгонялась быстро, а вот притормозить ее было сложно.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал Белдо. – Наста, конечно, не для Женечки. Женечке нужна тихая девушка, которая будет смирно сидеть в парикмахерских и сниматься для Инстаграма – а тут просто батька Махно в юбке… Рано или поздно девочка выкинет свечку и вернется в ШНыр. Ну а выкинуть свечку мы ей поможем! Может быть, прямо сегодня?

– Не стоит… Думаю, эта пара разбежится и без нашего участия, – сказал Гай. – Начнем с Яры и ее ребенка. Как я там определял человеческое желание?

– Выбор либо из двух зол меньшего, либо из двух благ большего, – сказала Лиана.

– Вот именно. Из двух зол меньшего!

Глава восьмая. Месть скользкого полотенца

Центр личности не должен находиться в «я-зоне». «Я-зона» – это территория невротиков. «Я хочу», «я не хочу», «я такой», «я сякой», «мне плохо», «мне хорошо». Пока человек заморачивается, занимается вечным самокопательством, он в опасности. Но как только он смещает свой центр заботы из «я-зоны», прорывается во внешнюю жизнь и начинает заботиться о ком-то еще, кроме себя, тут он уже прорывается.

Из дневника невернувшегося шныра

В одном из переулочков Копытова стоял длинный красный дом в два этажа. При царе дом этот принадлежал купцу. На втором этаже жила семья купца, а на первом и в подвале шла бойкая торговля, причем товар загружался прямо с улицы, с подвод, через маленькие оконца со скосом. Затем началось увлекательное время революций. Купец умер от сыпного тифа. Многочисленные дети его, притворившись рабочим классом, разбежались по миру. Дом поменял множество владельцев, служил то конторой заготзерна, то детским приютом, то, в 1941 году, штабом истребительной дивизии. Потом лет на шестьдесят сделался домом пионеров.

Сейчас, в двадцатые годы двадцать первого века, дом тихо и мирно прозябал. Из десяти помещений более-менее обитаемыми остались два. Остальные были завалены старой мебелью, транспарантами к праздникам, флагами, портретами вождей, лозунгами, призывающими учиться и работать, и прочей поселковой атрибутикой, которая нужна только к выборам и еще пару раз в год. Пол в некоторых комнатах провалился, на обшарпанных стенах местами просматривалось до восьми слоев обоев, потолки провисли, но чугунная лестница с заклепками, ведущая на второй этаж, сохранилась удивительно.

Снести дом не могли, потому что он числился где-то как памятник культуры. Но культура домом не занималась – только повесила на дверь замок и изредка меняла выбитые стекла.

Поэт Лохмушкин, обнаженный нерв эпохи, потопав толстенькими ножками в начальственных кабинетах, сумел выбить здесь помещение для поэтической студии. Вот только стихи в Копытове писали исключительно военные пенсионеры, собиравшиеся не слишком часто, и дубликат ключа плавно перешел к шнырам. Любое случайно заглянувшее в «красный дом» поселковое начальство могло увидеть поэта Макса, поэта Родиона, поэтессу Штопочку и еще кучу всякого свободного от дежурства населения. В настоящий момент в «красном доме» находились Яра со своим карапузом, заглянувшая сюда во время прогулки, и несколько некогда

средних, а теперь уже старших шныров.

Лена вязала свитер из такой чистой овечьей шерсти, что тот разве что не блеял. Фреда говорила по телефону со своей мамой, внушая, что той следует заботиться о своем здоровье: «Питаться бутербродами – сто раз тебе говорила – не вариант! Фотографируй свои обеды и присылай мне! Я желаю их видеть! И никому не позволяй вытирать о себя ноги! Повтори, что я тебе только что сказала!» Мама жалобно повторяла. «Вот! Умница!» – хвалила Фреда.

Сегодня Фреда была относительно тихая. Обычно она все на свете превращала в спор. Даже там, где изначально и почвы для спора никакой не было. Например, идут в кино два фильма. Один называется, допустим, «Колобок», другой – «Крокодил Гена». Разницы между ними чуть меньше, чем никакой. Мнения разделяются. Половина шныров хочет на «Гену», другая половина – на «Колобка». И тут Фреда ни с того ни с сего заведется и начинает орать, что «Гена» – это высокое искусство, а «Колобок» не высокое и не искусство! Так что любой, кто пойдет на «Колобка», – дегенерат! За десять минут взвинтит всех так, что все будут друг на друга кидаться и весь ШНыр в результате назло Фреде пойдет на «Колобка». Сама же Фреда вообще никуда не пойдет, даже на своего высокохудожественного «Гену». Будет сидеть с телефоном и объяснять маме, что все кругом идиоты. А мама будет с ней испуганно соглашаться, из чего Фреда сделает вывод, что мама все-таки не выпила сегодня витамины, что

даст ей новый повод для выноса мозга.

Рузя возился с дракончиком, который, летая по комнате, уже дважды поджег обои. Сашка чертил на листе бумаге одному ему понятные спирали, снабжая их кучей цифр. Он хотел освоить боевой пилотаж на гиелах и продумывал тактику воздушного боя. Бой в воздухе – это как шахматы. Скорость горизонтального полета, скорость вертикального. Скорость набора высоты, радиус разворота. Возможности арбалетов и шнепперов, углы смещения при стрельбе, сопротивление воздуха – очень много параметров. Ну и, разумеется, практику тоже никто не отменял. Сашка носился на Гавре по четыре-пять часов в день. Удивительно, но Гавр к нему привык и слушался Сашку даже без *гепарда*, хотя, конечно, фокусничал. Одно дело электроповодья и совсем другое – свободная воля. Сложная штука эта свободная воля. Ты хочешь, чтобы гиела работала и тренировалась быстро набирать высоту, потому что однажды это поможет ей выжить, а она увидит на дороге сбитую кошку – и все. Свободная воля гонит ее совсем в другую сторону.

Макар валялся на старых спортивных матах (привет от копытовского дома пионеров!) и преспокойно ел из банки тушенку. Ложки у него не было, и он ел щепочкой.

– Хлеба бы, а то жирно больно… – мечтательно произнес он и коснулся пальцем *русалки* на *нерпи*. Не прошло и нескольких минут, как по воздуху к ним подлетели две буханки белого. Кажется, им пришлось протискиваться сквозь

узкую решетку окна. *Русалка* Макара, почти израсходованная на такое чудо, погасла и только чуть светилась.

– Ты заплатил? – спросила Фреда.

– Конечно! Я положил деньги в кассу! – сказал Макар.

Фреда недоверчиво цокнула языком. Она скорее поверила бы, что касса положила деньги в карман Макара.

– Сколько стоит хлеб? – спросила она.

– А че такое? Ты мне не веришь? Мне, шныру, не веришь?! За хавчик плати, за все плати?! Может, мне еще за туалет платить? Туалет – не туалет. Отдай топор – купи билет! – заорал Макар. Он давно усвоил, что в форме оглушающего вопля любые доказательства действуют лучше всего.

Фреда поморщилась. Она не любила шуток про туалет и вообще фекальный юмор. Если человек пошутил про туалет больше двух раз в сутки, то, скорее всего, и остальные его шутки будут на ту же извечную, оригинальную, вечно молодую тему.

Алиса смотрела канал про формирование живых изгородей и, запоминая, щелкала пустой рукой так, словно в ней был секатор. Она так много времени проводила в Зеленом лабиринте, что никто не смел там и листика отщипнуть, не спросив у нее разрешения. Как Меркурий единовластно владел когда-то пегасней, так и Алиса прибрала к рукам Зеленый лабиринт. Когда человек полностью растворяется в любви к какому-то занятию, он постепенно забирает себе все бразды правления, связанные с этим занятием. Это происхо-

дит автоматически, само собой, по неведомым законам. Даже Горшеня подчинялся Алисе, хотя бродил по лабиринту задолго до ее рождения.

Лара щекотала Илью, щипала его за толстую щечку и повторяла: «Дай пластилинчика, котлета!» Илья минут пять таращился и размышлял, как ему следует поступить, а потом решил пластилинчик кому попало не раздавать и оглушительно разревелся. Яра рассердилась и отобрала у Лары ребенка.

– Сама котлета! Своих надо заводить! – сказала она.

Лара, ничуть не обидевшись, загадочно усмехнулась и отошла. Яра удивленно посмотрела ей вслед.

Правда, уже через минуту Лара стала прежней. Заявила, что смотается в ШНыр, чтобы принести Илье серебряную ложечку на первый зубик. Лару не отпустили, поскольку отправься она сейчас за ложечкой – она бы вообще не вернулась. Отвлеклась бы на новое нужное дело. Например, надумала бы вымыть голову. У Лары начисто отсутствовали чувство времени и чувство приоритетности поступков. Приоритетность поступков – это когда вначале нужно увернуться от падающей на тебя бетонной плиты, а потом уже поднимать просыпавшиеся бусинки. Лара начала бы с бусинок.

Кирюша маялся от скуки. Ему хотелось внимания, но Лена сейчас больше интересовалась свитером. Кирюша взревновал и стал мешаться. Пытался просунуть голову между Леной и свитером, демонстративно звонил по телефону ка-

ким-то девушкам и болтал с ними.

Начиная раздражаться, Лена сказала:

– Кирюша, солнце! Давно хотела тебе сказать. Когда выходишь на холод, надевай, пожалуйста, теплые носочки, а то у тебя носик красненький!

Макар захохотал как гиена.

– Мужчины как дети… – сказала Яра. – Когда я говорю по телефону, я всегда глажу Ула по спине, иначе он ревнует и ужасно злится. А я когда была маленькая, то кусала дедушку за руку, если он гулял на улице со мной и вдруг останавливался и начинал с кем-то еще общаться! А вот когда он при этом гладил меня по спине или волосам – тогда ничего, терпимо. Ты понимаешь, что ты не забыта!

– Мне нечем гладить его по спине! У меня в руках спицы! – сказала Лена. – И свитер, между прочим, я вяжу ему!

– Одежда не подарок! – мгновенно отозвался Кирюша.

Лена оторвалась от свитера и задумчиво на него посмотрела. Хоть Кирюша ей и нравился, но все же он был какой-то недозрелый. Будучи девушкой умной, Лена сердцем ощущала, что для мужчины главным внутренним показателем готовности к любви, к очагу, хоть к чему-нибудь являются ясность и четкость намерений. Здесь же намерения были неустойчивыми, прыгающими, щенячьими какими-то. В одну сторону побежал, в другую, хвостиком поболтал, заскулил, спрятался за мамочку, сделал лужу… Значит, видимо, клиент не готов и надо ждать… или… а вдруг он до сорока

лет дозревать будет? А потом раз – и свалил куда-нибудь на сторону. А ей что – на скамеечке в парке сидеть?

В ШНыр Лена попала из Киева. Папа у Лены был очень хороший водопроводчик, с гениальными руками. Хохмач и красавец. На него очередь стояла. Но существовали у папы и недостатки. Он легко мог загулять, выключить телефон и вернуться домой дней через пять, полуживой и стонущий, с фонарем под глазом или с запахом женских духов. Главной заботой мамы было уследить, чтобы в руки к папе не попадали деньги. Но как уберечь от денег водопроводчика, который с утра до ночи ходит по клиентам?

Мама чувствовала папу через пол, через бетонную стену, даже на другом конце города. Она точно знала, что делает папа в ту или иную секунду, потому что иначе было нельзя. Кто там у нас телепат? Белдо? Мама Лены дала бы ему триста очков вперед. Папа еще только начинал покашливать и трогать рукой подбородок – а мама уже могла сказать, что сегодня придется отложить все дела и водить его за руку. Видимо, и у Лены был этот же сценарий. И почему только мама всю жизнь терпела папу? Боялась перемен? Да нет, не боялась, тут сложнее. Просто мама была боец, но бойцом она стала потому, что рядом был такой папа. Труднее всего, невыносимее всего не бросать раненых, потому что так и тянет их бросить. Раненые только в кино выглядят романтично. В жизни же они ноют, проклинают тебя, обвисают и превращают твою жизнь в кошмар. Но ведь тебя тоже, возможно, одна-

жды ранит, из тебя все это полезет, а раненый тогда окажется на ногах и вытащит?

Тут Лена обычно начинала путаться, потому что мысли достигали опасной зоны неопределенности. Нет, быть не может, Кирюша дозреет! Ведь он же все-таки шныр! За ним же прилетела пчела! В общем, на месте Кирюши стоило порой повнимательнее заглядывать в ищущие и пристальные глаза Лены.

Яра ходила по «красному дому», укачивая ребенка. Шныры шумели, мешая Илье заснуть. Яра шепотом попрощалась и вышла. Сашка вывез за ней коляску.

– Как ты? – спросил он, быстро взглянув на нее.

– А что? – напряглась Яра.

– Да ничего.

– Все хорошо, – неохотно ответила Яра – и соврала.

Яру уже несколько дней не покидало тревожное чувство. Будто кто-то дышал ей в ухо. Внешне все было в порядке. Никаких странных людей за ней не ходило, в окна не направляли биноклей, но она привыкла доверять шныровскому чутью. Яра пожаловалась Улу. Тот отнесся к ее словам серьезно. Вызвал Макса, Родиона, сам незаметно установил наблюдение и некоторое время спустя заявил, что Яре померещилось. Слежки нет. Ни простой, ни телепатической.

– Спи спокойно! Твоей бабушке тоже вечно все мерещится, чудо былиин! – неосторожно ляпнул он.

Сравнить Яру и БаКлу – это был удар ниже пояса. Ул

сам не знал, какого опасного джинна выпустил на волю. Яра вспылила и больше с Улом ничего не обсуждала, но так стало только хуже. Тревога накапливалась и разрушала ее изнутри.

Илью она теперь повсюду таскала с собой, не оставляя его в коляске ни на секунду. Постоянно носила с собой шнеппер, а *нерпь* заряжала так часто, что фигурки сияли через рукав.

А внешне жизнь шла своим чередом. Осень стояла влажная, но солнечная. Ветры-листобои раздевали деревья. Желтые листья лежали на дне луж и подсвечивали их изнутри – зрелище сказочное. Илья, побывавший в Межмирье, рос и радовал. Произносил кучу хаотических звуков, словно читал стихи на неизвестном языке. Может, это язык того в капусте существующего мира, из которого в наш мир являются младенцы?

Ул с утра уходил в ШНыр, но к вечеру обязательно возвращался к жене и сыну в Копытово. Рассказывал о нырках, новичках и о том, что происходило в пегасне. В конце обязательно спрашивал: «Ну, ты как? Устала?»

Яра что-то мычала в ответ, испытывая сильное желание укусить его из-за этого вопроса. Она стала поздно ложиться спать. Никак не могла заставить себя улечься, хотя чувствовала, что вечернее время малоценное. Ходишь, тупо смотришь в стену, наливаешь чай – и внезапно осознаешь, что целый час уже куда-то исчез, а то и два часа, и три. И что сделано? Да ничего! А утром еле встаешь и ползаешь как черепаха.

Люди редко думают подробно. Мысль всегда как вспышка. Вначале ты видишь окончательный вывод, к которому тебе нужно прийти. Этот вывод, или скорее желание, сразу возникает как данность. Например, поссориться с тем-то и тем-то. Или кому-то двинуть, или от кого-то уйти, или сделать что-то определенное. И лишь потом, облекая мысль в форму, ее наполняют слова и отыскиваются необходимые логические обоснования.

У Яры же на логику сейчас сил не было. От недосыпа ее мысли путались. Она ходила по комнате и искала еще не переделанные дела. Отяжелевшие мысли медленно сплетались в неразрешимый клубок. Маленькие трагедии казались огромными. Муха приобретала размеры слона. Порой, когда Яра о чем-то задумывалась, ее перемыкало, и она раз за разом повторяла какое-нибудь действие. Например, по полчаса чистила зубы, не осознавая, что у нее в руках щетка, или то включала, то выключала лампу.

И Ул ее тоже раздражал. Постоянно хотелось к нему придираться. Это широкое лицо, эта глупая улыбка! А его идиотские вопросы: «Что с тобой такое, чудо былиин? Ты голодная? Устала? У Ильи опять живот болит?» У этих проклятых технарей все просто! Не жизнь, а цепочка устранимых причин! Машина заглохла? Проверим зажигание, топливную систему, электрические контакты – о, готово, поехали! Как будто если женщина нервничает, то это значит, что она не поела. Пробежимся по всем причинам. Надо ее по-

кормить, обнять, уложить спать – и, чудо былиин, это все, по-твоему, что ли? А как же мой сложный внутренний мир?

И хотелось Яре бить чашки и выть на луну. Ну до чего же обмелела жизнь! Неужели то, к чему она всегда стремилась, – это вот оно и есть? Козырек магазина за окном с отбитой буквой названия. «…ашенька» – это кто? Да какая разница, в конце концов, если магазин паршивый и вечно пахнет в нем размороженной рыбой! Выщербленная труба котельной. Пищащий ребенок. Муж, который громко жует и роняет крошки на живот. И что, больше ничего не будет?.. Ну, может, прибавится число комнат или детей – и все? И ради этого к ней прилетала золотая пчела?!

Часто стала приходить Суповна. Долго, как курица в гнезде, устраивалась на стуле, подвигаясь туда и сюда, после чего торжественно сообщала Яре:

– Я до тебя на минутку пришла, поздороваться!

И оставалась всегда часа на три. Сидела как истукан, чашка за чашкой наливалась чаем, и Яра понятия не имела, чем ее занимать. Если бы Суповна хотя бы готовила! Но готовила Суповна исключительно в ШНыре. Здесь же даже к кастрюлям не прикасалась, разве что Илью порой брала своими огромными красными ручищами, но ненадолго, и трясла на колене с такой энергией, что Илья пугался.

Яра не знала, как ей выкручиваться. Не пускать Суповну? Но ведь это квартира Суповны! Лихорадочно начинала перебирать какие-то истории, но прерывалась на полуслове.

Суповна слушала всегда с непроницаемым лицом. Даже коротких реплик не выдавала.

– Может, хоть споете? – безнадежно спрашивала Яра, зная, что Суповна хорошо поет. Суповна сурово шевелила бровями, словно Яра просила ее о какой-то глупости. Петь по заказу Суповна не умела. Пение было продолжением ее души. Это все равно что сказать Пушкину: «Напишите что-нибудь гениальное!» – и ожидать, что он схватит ручку и начнет что-то строчить.

Но Суповна – это еще полбеды. Пару раз являлся Сухан, живший теперь в ШНыре, подолгу сидел и смотрел на Яру. Как она ходит, убирает в квартире, кормит ребенка. Как ребенок ползает, возится. Как Яра режет картошку и морковь для супа. Просто сидел и таращился с невысказанным удивлением. Ничего не говорил, лишь отвечал на вопросы, но неохотно, односложно и невпопад. Ржавая щетина на щеках превратилась в бороду – снизу густую, а по краям редкую. Проглядывали худые, провалившиеся щеки. Длинный рот с двойным изгибом пугал Яру своим выражением. Когда Сухан улыбался – рот грустил. Когда Сухан грустил – рот мрачно улыбался. И еще очень пугала единственная бровь – вторая была сожжена.

Яра не могла понять, чего Сухану от нее надо, а спросить не решалась. Он пугал ее своей мрачностью. Яре Сухан чем-то напоминал Родиона, застрявшего в одной какой-то важной для него точке и теперь непрерывно буксовавшего на ме-

сте. А сцепление уже подгорало, и резина стиралась.

Она пожаловалась Улу, но тот понятия не имел, что делать:

– Чудо былиин! Но ведь он не пристает к тебе?

– Просто торчит здесь! Я укладываю ребенка – он торчит! Белье на балконе вешаю – опять торчит! Мне что, голову теперь помыть нельзя? Так и ходить грязной, завшивленной… – Яра осеклась, сама испугавшись глупости, которую только что ляпнула. Из нее опять вылезла БаКла, вечно себя драматично жалеющая. Если Сухан пришел пару раз и торчал здесь – то почему сразу завшивленной-то?

Ул тоже смутно ощутил в Яре БаКлу и крякнул.

– Ну просто плохо ему… У нас дом – у него дома нет. Что ж тут такого-то? Он шныр! Видела бы ты, как он сквозь защиту проходит! Руку протаскивает – ну просто перетягивание каната! – сказал он.

Для Ула понятие «шныр» было святым. Если ты шныр и твоя пчела жива – ошибки тут быть не может. Вот и Сухан теперь друг ему и союзник, чего бы Яра ему ни говорила и какими бы вшами его ни пугала.

Яре опять захотелось швырять чашки и выть. Суповна приходит, Сухан приходит! Замуровали ее в четырех стенах! Свою комнату и кухню она люто ненавидела, хотя комнатка была уютная, и кухня тоже. Чтобы не торчать дома, она брала Илью, забрасывала его в кенгуру или в коляску и часами гуляла по окрестностям Копытова. Это ее успокаивало.

Она возвращалась и несколько часов спокойно спала. «Может, мне плохо, потому что толком не устаю и толком не отдыхаю? Надо себя утомлять!»

Яра ходила пешком до самого Наумова. Перешагивала в лесу через раскисшие от влаги стволы и думала, что люди не взрослеют, не стареют и не вырастают. Просто у них отколупываются иллюзии. В первую очередь те, которые связаны с самим собой. И еще люди грустнеют, быстрее утомляются и становятся раздражительнее. Но потребность в утешении у взрослых такая же, как и у детей.

Еще Яра думала про себя и про Ула, что примерно через год у отношений начинает отколупываться позолота. Люди устают друг от друга, становятся видны недостатки, которые кажутся с каждым днем все значительнее. Отношения сохраняются только в том случае, если на свет появляется ребенок. Тогда вектор внимания направлен уже не на потрескавшуюся эмаль на зубе и не на растущее брюшко, а на этого ребенка. У них появляется общая программа и общие интересы. Но как же это все скучно! Дети, дети, дети! Можно подумать, что ребенок страхует от расставаний!

Нередко во время прогулок, чутко подгадывая момент, когда можно покапать на мозги, звонила БаКла, жаловалась и проклинала соседей и ВикСера – самого кошмарного мужа на земле. Начинала, как всегда, вкрадчиво и осторожно, словно нашаривая собеседника. Яра убирала трубку подальше от уха, чтобы не различать отдельных слов. Ей казалось,

что в трубке гудит громадный замурованный шмель. «Ж-ж-ж-жжж!» Когда тональность жужжания изменялась, Яра спохватывалась, что БаКлу напрягает тишина. Тогда Яра торопливо подносила трубку ближе и произносила: «Ты уверена? Быть этого не может!» – или что-нибудь в этом духе. И опять начиналось: «Жжжжжж!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.